

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Центральная библиотека имени Н.В. Гоголя
в Красногвардейском районе Санкт-Петербурга

РГПУ имени А.И. Герцена

Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека (Москва)

ГОГОЛЬ и ПУШКИН СЕГОДНЯ

Материалы межвузовской онлайн-конференции
1 ноября 2020 г.

Санкт-Петербург
РГГМУ
2021

УДК 821.161.1.09(063)
ББК 83.3(2Рос+Рус)
Г58

Отв. редактор В.Д. Денисов – д-р филол. наук, профессор РГГМУ.

Г58 Гоголь и Пушкин сегодня. Материалы межвузовской онлайн-конференции 1 ноября 2020 г. – Санкт-Петербург : РГГМУ, 2021. – 40 с.

Статьи, написанные по результатам выступлений на конференции, будут интересны как специалистам-филологам, библиотекарям, преподавателям школ и вузов, так и любителям русской классической литературы XIX века.

УДК 821.161.1.09(063)
ББК 83.3(2Рос+Рус)

© Коллектив авторов, 2021
© Российский государственный гидрометеорологический университет (РГГМУ), 2021

ГОГОЛЕВСКОЕ ЭССЕ О ПУШКИНЕ

Статья посвящена оригинальной гоголевской оценке великого русского поэта в одном из первых эссе, посвященных его творчеству. Осмыслить «явление Пушкина» было необходимо Гоголю и для того, чтобы увидеть Россию «через» жизненный и творческий путь ее национального гения, и для самопознания. В каком-то плане это его выбор, его творческое самоопределение. Вместе с тем подробности, упомянутые в тексте, свидетельствуют о близких, доверительных отношениях автора с поэтом.

Ключевые слова: Гоголь и Пушкин, творчество великого поэта, знакомство, доверительное сотрудничество, идеал национального самосознания.

Denisov V.D.

GOGOL'S ESSAY ABOUT PUSHKIN

The article is devoted to the original Gogol's assessment of the great Russian poet in one of the first essays devoted to his work. The author needed to comprehend the “phenomenon of Pushkin” both in order to see Russia “through” the life and creative path of her national genius, and for self-knowledge. To some extent, this is his choice and his creative self-determination. At the same time, the details mentioned in the text indicate a close, trusting relationship with the poet.

Keywords: Gogol' and Pushkin, the work of the great poet, acquaintance, trusting cooperation, the ideal of national identity.

Статья Н. В. Гоголя «Несколько слов о Пушкине»² с датой «1832» была напечатана в сборнике «Арабески» 1835 г. К тому времени знакомство молодого писателя с великим поэтом продолжалось уже четыре года, причем имело и свою предысторию.

Когда студент Николай Гоголь-Яновский приехал в Санкт-Петербург, то при первой же возможности решил обязательно увидеть того, кто с гимназических времен был его кумиром. Как рассказывал позднее писатель, он где-то узнал (слухом земля полнится!) о приезде Пушкина и явился в гостиницу. У вышедшего на стук слуги поинтересовался, не примут ли... «Барин почивают», – строго ответил слуга. Гоголь погулял, выпил для храбрости рюмку ликера, походил еще, а затем вновь постучал в номер. И слуга опять ответил: «Спят они». – «Небось ночью стихи писал?» – «Куды там! Всю ночь в карты играли!» Так развеялись юношеские грезы о поэте, «окруженном облаком вдохновения».

Их действительное знакомство состоялось позднее, в мае 1831 г. на квартире друга Пушкина, поэта, критика, преподавателя П. А. Плетнёва, кому В. А. Жуковский поручил опекать талантливого провинциала. Впрочем, Пушкин оценил дарование Гоголя не сразу – лишь после бесед в Царском Селе и появления книжки «Вечера на хуторе близ Диканьки». А молодой писатель воспринял их встречу как судьбоносную основу плодотворного сотрудничества.

Впервые оценку пушкинскому творчеству он дал в своих этюдах 1831 г. о драме «Борис Годунов» и поэзии Козлова, еще не зная поэта лично. Опиравшиеся на эти этюды, «Несколько слов...» стали дебютом Гоголя-критика, выделяясь поразительной глубиной и сжатой энергией мысли даже на фоне аналитических разборов, принадлежавших перу А. Дельвига, Н. Надеждина, И. Киреевского, и потому статью надо признать одной из вершин прижизненной критики поэта [Гудзий, с. 15]. Главное в ней пронизательно отметил В. В. Гиппиус: «Статья эта с необычайной зоркостью и твердостью установила значение Пушкина в годы “суда глупцов”, когда самый талант Пушкина был взят под сомнение <...> В личности Пушкина Гоголь подчеркивает, по преимуществу, ее эстетическое напряжение. Здесь впервые Гоголь заговорил о свободе художника выбирать все темы – от “горца в воинственном костюме” до “судьи в истертом фраке, запачканном табаком”, впервые противоположил “натянутый слог” и ложный жар – внутренней неприступной поэзии, отвергнувшей всякое “грубое убранство”, словом, дал первый очерк будущей параллели двух писателей <...> Вся

¹ Денисов Владимир Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка РГГМУ, автор работ о жизни и творчестве Н. В. Гоголя; vladdenisoff@mail.ru.

² Далее цит. эту статью по изд.: <Гоголь, 1835>.

статья – вызов современникам и их обывательской эстетике» [Гиппиус, 1994, с. 43-44]. Добавим, что к середине 1830-х годов серьезной оценки произведений Пушкина не существовало, зато о нем часто упоминали в газете Ф. Булгарина и Н. Греча, как правило, с дежурными славословиями («автор бессмертных творений», «первый наш поэт», «счастливцев-гений»), его сравнивали с Наполеоном и даже... самим Булгариным: «В одном берлинском журнале уверяют, что в России считаются ныне 5485 отечественных писателей, из коих редактору известны только двое: Александр Пушкин и Фаддей Булгарин...» (Северная Пчела. – 1833. – № 77; см. также: 1834. – № 44; и др.).

В отличие от своих предшественников Гоголь говорил о творчестве Пушкина в целом, не разбирая подробно его «программные» произведения, не упоминая о прозе, ибо воплощением гения считал **всё** созданное поэтом, прежде всего – **лирику**, соответствующую «юношескому» развитию России. Многие положения статьи он позднее развил в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (глава XXXI «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность») – в частности, мысль об удивительной способности Пушкина откликаться «на всё, что ни есть в мире», – и там же охарактеризовал свое отношение к поэту. Однако некоторых исследователей до сих пор больше всего волнует, насколько полно и точно передал Гоголь суть взаимоотношений с поэтом...

Представляется, что характер их отношений того времени во многом отразила данная статья, а работа над ней являет пример тесного и доверительного творческого сотрудничества [см.: Петрунина, Фридендер, с. 207-208]. Так, упоминание о судьбе из черновика повести «Дубровский» (1831-1832), переключки с незавершенными текстами и другими черновыми заметками Пушкина показывают, что тот знакомил Гоголя с неопубликованными произведениями. Заключительный тезис гоголевской статьи: «...чем более поэт становится поэтом», тем меньше у него «истинных ценителей», – видимо, восходит к неопубликованной пушкинской заметке 1830 г. о поэзии Е. А. Баратынского: «Первые, юношеские произведения Б.<аратынского> были некогда приняты с восторгом. Последние, более зрелые, более близкие к совершенству, в публике имели меньший успех <...> Понятия, чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому, молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут – юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни. Поэт отделяется от их и мало-помалу уединяется совершенно. Он творит – для самого себя и, если изредка еще обнародывает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, как он уединенных, затерянных в свете» [Пушкин, т. 11, с. 185].

По-видимому, поэт принимал **определённое участие** в редактировании статьи. Так, уже перед публикацией Гоголь убрал из нее объемный фрагмент о естественном пушкинском *вольнлюбии*, который, будучи напечатан, мог бы повредить поэту. Наоборот, появившееся здесь примечание: «...начали... Пушкину приписывать: “Лекарство от холеры”, “Первую ночь” и тому подобные», – имело принципиальный характер. По сообщению А. В. Дубровского³, стихотворение «Первая ночь» (автор его неизвестен) распространялось в начале 1830-х годов от имени А. С. Пушкина для того, чтобы опорочить его семейную жизнь. И гоголевское опровержение авторства этого и подобных стихов, скорее всего, создавалось по просьбе самого поэта. Поэтому в роли отрицательного аргумента выступало достаточно известное тогда «Лекарство от холеры», которое содержало свод разных неприличных, шутовских и, возможно, балаганных рецептов, – **но явно не пушкинское**.

Сам поэт несколько раз пытался откеститься от приписываемых ему «скверных» стихов. В автобиографическом наброске 1832 г. он едко отозвался об участии стихотворца: «Но главную неприятностью почитал мой приятель приписывание множества чужих сочинений, как то: ...четв.<еростишие> о женитьбе, в коем так остроумно сказано, что коли хочешь быть умен, учись, а коли хочешь быть в аду, женись, стихи на брак, достойные пера Ив.<ана> Сем.<еновича> Баркова, начитавшегося Ламартина. Беспристрастные наши журналисты, которые обыкновенно не умеют отличить стихов Нахимова от стихов Б.<аркова>, укоряли его в безнравственности, отдавая полную справедливость их поэт.<ическому> досто.<инству> и остроте» [Пушкин, т. 8₂, с. 961].

Кроме того, поэт в какой-то мере разделял полемическое утверждение Гоголя: «По

³ Дальше – с позволения автора – частично цитирую доклад о «мнимом Пушкине», сделанный научным сотрудником Пушкинского Дома А. В. Дубровским на 7-х Гоголевских чтениях (Москва, 2007). К сожалению, сборник статей конференции «Н. В. Гоголь и народная культура» (М., 2008; отв. ред. Е. Г. Падерина), где был напечатан тот материал, изобилует разнообразными грубыми ошибками и должен быть признан неисправным.

справедливости ли оценены последние... поэмы? Определил ли, понял ли кто “Бориса Годунова” <...> По крайней мере, печатно нигде не произнеслась им верная оценка, и они остались донныне нетронуты». – Здесь под «поэмами» следует понимать лироэпические творения Пушкина: «Евгений Онегин» (1823-1832), «Домик в Коломне» (1831, опублик. 1833), сказки, – а также историческую трагедию «Борис Годунов» (1825, опублик. 1830). Впрочем, строго говоря, критику нельзя было упрекнуть в невнимании к этим произведениям, особенно к трагедии: статьи А. Дельвига «Борис Годунов» (Литературная Газета. 1831. № 1-2; неоконч.) и Н. Надеждина «“Борис Годунов”». Сочинение А. Пушкина. Беседа старых знакомцев» (Телескоп. 1831. № 4), отзыв И. Киреевского в «Обзрении русской литературы за 1831 год» (Европеец. 1832. № 1) были весьма подробными, профессиональными и, по сути, доброжелательными критическими разборами. Но если Пушкин оставил без изменений инвективы Гоголя, то, видимо, и сам придерживался подобного мнения.

Учитывая всё сказанное выше, логично сделать вывод о том, что статья Гоголя была связана и со всем предшествующим осмыслением пушкинского творчества. Например, положение «...истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа...» основано и на формулировке Д. В. Веневитинова⁴, сложившейся в спорах о народности в середине 1820-х годов: «...Народность отражается не в картинах, принадлежащих какой-либо особенной стороне, но в самих чувствах поэта, напитанного духом одного народа и живущего, так сказать, в развитии, успехах и отдельности его характера» [Веневитинов, 1825]. Вероятно, Гоголь учитывал и черновую заметку Пушкина, связанную с той же дискуссией: «Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками – для других оно или не существует, или даже может показаться пороком <...> Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более и <ли> менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [Пушкин, т. 11, с. 40].

Таким образом, в статье «Несколько слов о Пушкине» на первый план выходит проблема противоречивых взаимоотношений творческой личности и общества в Новое время. По мысли Гоголя, развитие Поэта-Художника, в чьих произведениях отражается **душа его народа**, оказывает определяющее (и опережающее!) влияние на формы общественного сознания и национального характера, шире – на всю страну. Как определено в статье, национальный поэт – «русской человек в его развитии, каком он, может быть, явится чрез двести лет»; в нем отразились «русская природа, русская душа, русский язык, русский характер...». Всё это позволяет автору соотнести жизнь поэта и его творческий путь, которые совокупно выразили «идеал» общественного движения, способствуя росту национального самосознания и указывая его перспективы.

Само субъективно-целостное, «непосредственное» гоголевское высказывание больше подобает очерку, нежели статье, и во многом расходится с трактовкой творчества Пушкина юным поэтом-философом Д. В. Веневитиновым, хотя заглавие статьи перекликалось с названиями его заметок «Несколько мыслей в план журнала», «Два слова о второй песни *Онегина*» (как и статей других авторов в журнале «Московский Вестник», которым зачитывался гимназист Гоголь). По сравнению с критико-аналитическими статьями Любомудров, все сказанное теперь Гоголем представляет и новую, более высокую ступень понимания творчества Пушкина, и несколько иную форму выражения этого.

Особую значимость приобретает датировка статьи в «Арабесках» – 1832 год. Уже написаны «Граф Нулин», «Полтава», «Повести Белкина». Гоголь знал «Домик в Коломне» и упоминал о нем в

⁴ Безвременно ушедшего Дмитрия Веневитинова (1805-1827) окружала романтическая легенда, соединявшая литературу и философию, российское и европейское, античное и современное, Москву и Санкт-Петербург... С детства у него было всё: знатное происхождение, красота, богатство, блестящие научные и поэтические способности. Он владел латынью, греческим, французским и немецким языками, был очень талантлив в живописи и музыке, счастлив в товарищах-«любомудрах» и почитателях, несчастен в романтически безответной любви к кн. З. Н. Волконской. И скорострительно скончался на 22-м году жизни.

Впервые он выступил в печати со статьями о I главе «Евгения Онегина» 1825 г. Пушкин их высоко оценил и осенью 1826 г. в Москве познакомился с Веневитиновым и его семьей (кстати – своими родственниками), у них же впервые читал трагедию «Борис Годунов». В 1827 г. он был на похоронах Д. Веневитинова в Симоновом монастыре и про это потом наверняка рассказывал Гоголю, который постепенно познакомился и начал сотрудничать с бывшими «любомудрами». Отсюда и переключки молодого писателя с их произведениями, особенно со знаковыми статьями и прозой их кумира Веневитинова [см.: Денисов, с. 185-208]. Но при этом соблюдалась обязательная «фигура умолчания»: отсылки к трудам поэта-философа были скрыты и понятны лишь «посвященным», и, безусловно, нигде не упомянута его фамилия.

одном из своих писем 1831 г. В начале 1832 г. вышла «Последняя глава *Евгения Онегина*» (СПб., 1832), завершившая публикацию романа отдельными главами: отныне он обрел целостность, хотя и относительную. Ведь когда Д. Веневитинов в 1825-1826 годах рассматривал начало «Онегина», то особо подчеркивал вынужденную предварительность и неполноту своих критических суждений, ибо роман как целое в то время еще реально не существовал. *Целое* могло и не появиться, как это бывало тогда с некоторыми романами, о начале которых авторы бойко объявляли, затем печатали одну-две главы и... этим ограничивались. Наконец, *целое* могло быть лишь намечено отдельными главами – как дальше и произошло с двумя опубликованными главами романа «Арап Петра Великого».

Вероятно, Гоголь знал от самого Пушкина, что тот чрезвычайно высоко, по сравнению с другими, поставил мнение юного критика об «Онегине». К тому же позднее в заметке о второй главе пушкинского романа Веневитинов фактически предугадал перспективы дальнейшего развития, какое получит характер главного героя. Но когда роман был завершен и уже появились новые, не менее высокие пушкинские творения, сказанное критиком в середине 1820-х годов еще предположительно, может быть, в качестве пожелания, необходимо было уточнить, переосмыслить, развить... Так, в этих заметках Д. Веневитинов характеризовал пушкинское дарование как «оригинальное». Он судил о поэте по своему идеалу – Байрону, гению «всечеловеческому», у которого есть «истинно новые» приобретения, «делающие честь веку» [Веневитинов, 1980, с. 145; курсив автора]. Творчество Байрона всемирно, всеохватно – а поэтому национально, ибо в национальном, конкретном творец показывает всеобщее и вечное. Подобное противопоставление поэта всемирного, всеохватного и поэта национального отразилось и на дальнейшей оценке образа Онегина. Веневитинов строил ее, во многом «отталкиваясь от байроновского понимания Чайльд-Гарольда» [Манн, с. 32]. На оценку критиком Онегина влияло восприятие байронического героя, а через этот образ – и поэта Байрона, его оригинального жизненного пути и произведений, одним из которых было «Паломничество Чайльд-Гарольда». При восхождении к столь всеохватному идеалу «народность», по Веневитинову, – лишь своего рода ступень для истинного художника. С этой точки зрения, в первых опубликованных главах Пушкин еще недостаточно близок к такому *идеалу*: и романа, и оригинальной «всеобщности» его содержания.

В более поздней статье, анализируя отрывок из трагедии «Борис Годунов» и утверждая, что теперь Пушкин достиг подлинной творческой зрелости, критик обосновал свое мнение и независимостью поэта от влияния Байрона, и достижением той *вершины* искусства, какой романтикам представлялась *историческая трагедия*. «Независимость его таланта – верная порука его зрелости», и если все новое произведение таково, как приведенный отрывок, – оговаривал Веневитинов, – тогда не только русская литература сделает бессмертное приобретение, но и летописи трагической музыки обогатятся образцовым произведением, которое станет наряду со всем, что только есть прекраснейшего в этом роде на языках древних и новых» [Веневитинов 1980, с. 163, 170]. Заметим, что появление этой статьи о Пушкине на французском языке должно было подтвердить европейское значение творчества русского поэта.

Для Гоголя же Пушкин, в первую очередь, **национален**, а потому **вне** сравнений и величин как идеал русского общества. Он «при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами». Все это сказано о Пушкине – авторе исторической трагедии «Борис Годунов» и романа о России, поэте русской истории, природы и нравов – и сказано с учетом предшествующих критических мнений. В частности, данная формулировка основывается и на критериях «народности», ранее сформулированных Веневитиновым в полемике с Н. А. Полевым о первой главе пушкинского романа. «Я полагаю, – писал юный критик, – народность не в черевиках, не в бородах и проч. <...> Народность отражается не в картинах, принадлежащих какой-либо особенной стороне, но в самих чувствах поэта, напитанного духом одного народа и живущего, так сказать, в развитии, успехах и отдельности его характера. Не должно смешивать понятие народности с выражением народных обычаев: подобные картины тогда только истинно нам нравятся, когда они оправданы гордым участием поэта» [Там же. С. 259]. Даже если считать это «независимым единомыслием» [Манн, с. 28], возникшим в романтической атмосфере того времени и/или обусловленным ею, – и тогда оно чрезвычайно значимо! На этом фоне достаточно спорным представляется гоголевское утверждение, что верная оценка «Бориса Годунова» еще «по крайней мере печатно нигде не произносилась», – написал же Веневитинов «Разбор отрывка из трагедии...» (но в данном случае Гоголь мог иметь в виду полную оценку *всего* произведения).

Итак, Веневитинов и Гоголь определяли масштаб художника, поэта, исходя из того, насколько верно и полно его творчество отражает особенности всемирного и национального развития в данную «эпоху». Здесь у Веневитинова основным критерием выступает **общечеловеческое**, у Гоголя – **национальное** (народное). Вместе с тем осмыслить «явление Пушкина» необходимо Гоголю и для своего развития, узнавая Россию через жизненный / творческий путь ее национального гения и путем самопознания. В какой-то мере это его творческое самоопределение: недаром он опирается и на свой *личный* опыт художника, в известном смысле сопоставляя его с творческим методом Пушкина.

Как творчество художника соотнесено с общественными устремлениями, «духом эпохи», и какой главной поэтической формой это выражено – вот главные вопросы и «сверхзадачи» статьи. Согласно ей, Пушкин достигает «вершины» (всеобъемлющего творческого идеала) **совокупностью** своих произведений. Прежде всего, это **лирика**, которая отражает идеал национального самосознания в данный (по-видимому, тоже «лирический») период истории России и позволяет соединять, «синтезировать» различные стороны действительности, прошлое и настоящее. Это «прелестная антология», где «Пушкин разносторонен необыкновенно и является еще обширнее, виднее, нежели в поэмах <...> Слов немного, но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт». Примечательно, насколько представленный здесь «синтез» наделен чертами живописи (свет, пространство, «картина»), а этим подчеркнута близость пушкинской лирики к основному, по мысли автора, изобразительному искусству современности. Ведь, согласно концепции романтизма, роды и жанры искусства, в том числе словесного, составляют «возрастную лестницу» духовного развития человека, всего человечества и каждого народа. В «лирической юности» окружающее воспринимается через «призму» формирующегося субъективного мира личности, а самопознание осуществляется в присущих ей субъективно-целостных, хотя и разрозненных формах отражения. Это позволяет Поэту выразить национальное и общечеловеческое.

Всё вышесказанное позволяет выявить особенности трактовки Поэта-Художника у Гоголя. Для него Пушкин – идеал национального самосознания и только потому «всечеловечен»: так национальная культура входит во всемирную, но при этом не растворяется в ней, остается ее особой частью. Прямая, намеченная Веневитиновым связь *личностного* и *всеобщего* видится на этом фоне неправомерно упрощенной, ибо не учтен гений Пушкина, который, по Гоголю, отразил **всю** Россию, **все**, в том числе и глубинные, сокровенные национальные черты, в котором «как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка». Ведь Слово божественно по своему происхождению, и тот, кто им владеет в совершенстве, близок Создателю и Его творениям.

Срок исполнения пророчества Гоголя истекает в 2030-х годах, и это заставляет пристально вглядываться, кто мы такие: народ Пушкина и Гоголя, народ – поэт, творец, созидатель, или же вселенский покупатель и продавец Чичиков, хитрющий, погрязший в грехах, за которые презирает и обличает других?!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Веневитинов Д. Ответ г. Полевому / Д. Веневитинов // Сын Отечества. – 1825. – № 24. – С. 38-39.
- Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза / Д. В. Веневитинов; Изд. подгот. Е. А. Маймин, М. А. Чернышев; Отв. ред. Д. Д. Благой. – М.: Наука, 1980. (Лит. памятники). – 608 с.
- <Гиппиус, 1994> Цит. по изд.: Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н. В. Гоголь / Предисл. и сост. Л. Аллена. – СПб.: Logos, 1994. – 343 с.
- <Гоголь, 1835> Несколько слов о Пушкине // Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя: В 2 ч. / Н. В. Гоголь. – СПб.: В тип. вдовы Плюшар с сыном, 1835. – Ч. I. – С. 211-226; на шмуцтитуле эта статья названа «О Пушкине». Все цитаты даны по современному правописанию.
- Гудзий Н.К. Гоголь – критик Пушкина / Н. К. Гудзий. – Киев: Тип. Т. Г. Мейнандера, 1913. – 40 с.
- Денисов В.Д. Петербургский текст Гоголя / В.Д. Денисов. – СПб.: Нестор-История, 2018. – 384 с.
- Манн Ю.В. Русская философская эстетика (1820-1830-е гг.) / Ю.В. Манн. – М.: Искусство, 1969. – 304 с.
- Петрунина Н.Н., Фридендер Г.М. Пушкин и Гоголь в 1831-1836 годах / Н.Н. Петрунина, Г.М. Фридендер // Пушкин. Исследования и материалы. – Т. VI. Реализм Пушкина и литература его времени. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1969. – 308 с.
- Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. / А.С. Пушкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1949.

Н. В. ГОГОЛЬ – ПРИХОЖАНИН МОСКОВСКИХ ХРАМОВ

Статья посвящена духовной жизни Н. В. Гоголя, его отношению к церковной службе, осознанности веры, степени его участия в церковных таинствах. Сопоставлены особенности церковной жизни двух столиц в первой половине XIX в.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, православная церковь, приходская жизнь, московские храмы.

O. Yu. Robinov

N. V. GOGOL – PARISHIONER OF MOSCOW CHURCHES

The article is devoted to the spiritual life of N. V. Gogol, his attitude to the church service, awareness of faith and the degree of his participation in the church sacraments. The peculiarities of the church life of the two capitals in the first half of the XIX century are compared.

Keywords: N. V. Gogol, Orthodox Church, parish life, Moscow churches.

В жизни Н. В. Гоголя религия и Церковь занимали особое место. Есть множество примеров его искренней веры в Бога и живого участия в делах церковных, которое присуще осознающему свою веру христианину. В июне 1821 г. только что зачисленный во второй класс Нежинской гимназии высших наук двенадцатилетний Гоголь, проходя испытания по десяти предметам, получил отличные оценки только по Закону Божию и Священному Писанию. Как и другие гимназисты, он посещал литургию в домовый Александровской церкви (открытой в 1824 г.) по воскресным и праздничным дням [см. об этом: Виноградов, 2015]. Один из нежинских педагогов И.Г. Кулжинский в своей автобиографии, опубликованной в 1881 г., утверждал: «Гоголь был не только гениальный писатель, но и христианин в собственном смысле этого слова. Нет сомнений, что лучшие его религиозные воззрения и симпатии воспитывались в церкви, и в особенности в церкви того заведения, где он учился» [цит. по изд.: Гоголь, 2009–2010, т. 6, с. 479]. Кроме того, сохранились свидетельства прекрасного знания церковной службы гимназистом Гоголем и неформального отношения к ней. К 1822 или 1823 г. (до открытия домовый церкви в Нежинской гимназии) относится эпизод, описанный В.И. Любичем-Романовичем: «Однажды Гоголь, недовольный пением дьячков, зашел <...> на клирос и стал подпевать обедню, ясно произнося слова молитв, но священник, услышавший незнакомый ему голос, выглянул из алтаря и, увидев Николая Васильевича, велел ему удалиться...» [Гоголь в воспоминаниях... т. 1, с. 563].

Ещё один примечательный случай, произошедший с уже взрослым Гоголем, вспоминала воспитанница в доме Гоголей, сирота Э. Ковриго (1839 – после 1909). Она утверждала, что религиозность писателю была присуща на протяжении всей его жизни, и рассказывала, как в день престольного праздника церкви в Васильевке Гоголь, одетый «как с иголки», стоял позади всех, среди «сереньких мужичков» и молился коленопреклоненно. После литургии, когда священник «почтительно раздавал просфоры знатным и богатым, обходя неродовитых мелкопоместных хуторян, господских слуг и крестьян», Гоголь внезапно удалился из церкви. «Напрасно искал его глазами священник, – так и унесена была обратно в алтарь предназначенная для него просфора». Писатель говорил, что раздача просфор после литургии – это воспоминание о евангельском чуде умножения хлебов (Лк. 9:10-17). Результатом этого случая, по воспоминаниям Э. Ковриго, стало пожертвование 100 рублей храму, чтобы в день праздника ежегодно «на проценты с этого капитала покупалась мука и раздавались просфоры всем, без различия пола, возраста и происхождения» [Гоголь в воспоминаниях... т. 1, с. 278]. Все это доказывает, что писатель сохранил своё детское неравнодушное отношение к происходящему в церкви и в зрелом возрасте.

О глубоком знании службы и значении таинств православной церкви в жизни Гоголя свидетельствуют также написанные им «Размышления о Божественной литургии». Работать над ними он, по всей вероятности, начал в 1843-1844 годах [Воропаев, 2003]. Описывая воздействие

⁵ Робинов Олег Юрьевич – кандидат культурологии, искусствовед, научный сотрудник музея «Дом Гоголя» (Москва), руководитель Молодёжной секции Императорского Православного Палестинского Общества, ведущий телеканала «Спас»; robinov.oleg@gmail.com.

Божественной Литургии на христианина, Гоголь писал, что человек «по выходе из храма, где он присутствовал при божественной трапезе любви, глядит на всех, как на братьев» [Гоголь... т. 6, с. 394].

Мало известно, прихожанином каких храмов был Н.В. Гоголь, когда жил в Петербурге. Есть предположение, что во время службы в различных столичных ведомствах писатель посещал домовые храмы в этих учреждениях [см. об этом: Балакшина, 2020]. Кроме того, несколько раз в письмах Гоголь упомянул Казанский кафедральный собор. Первый раз в августе 1829 г., когда он сообщил матери из немецкого города Травемюнде, описывая Любекский кафедральный собор св. Николая, что этот храм «несравненно выше, нежели у нас в Петербурге Казанская церковь, с шпиром и крестом» [Гоголь... т. 10, с. 119]. Следующий раз в письме к Михаилу Петровичу Погодину, по поводу готовящейся к публикации повести «Нос» (март 1835 г.): «Если в случае ваша глупая цензура привяжется к тому, что нос не может быть в Казанской церкви, то пожалуй можно его перевести в католическую» [Там же, т. 11, с. 14].

О том, прихожанином каких московских храмов был Гоголь во время его пребывания в «древней столице», известно гораздо больше. Следует также отметить, что храмовая культура Петербурга и Москвы 1-й пол. XIX в. имела значительные различия. Это касалось и её внешней, архитектурной части, и внутренней, приходской. При их сопоставлении можно отметить большую камерность, «домашность» московской церковной жизни и отсутствие столичной помпезности в церковной архитектуре.

Первый раз Гоголь оказался в Москве проездом в июне-июле 1832 г. Прошло около 20-ти лет после пожара 1812 г., который воспринимался как жертвенный подвиг москвичей ради спасения России и всей Европы. Пожар стал трагедией, во многом пробудившей особенное отношение к московским древностям, храмам и монастырям среди москвичей, пожертвовавших всем своим имуществом. Друг Гоголя С.П. Шевырёв в 1847 г. писал о душевном трепете, который испытал, находясь в Спасском соборе Спасо-Прилуцкого Димитриева мужского монастыря в Вологде, где в течение трех месяцев 1812 г., пока Москва не была освобождена, находились вывезенные перед её захватом святыни и сокровища патриаршей ризницы, Свято-Троицкой Сергиевой лавры, Чудова, Новоспасского, Знаменского, Николо-Угрешского, Покровского, Новодевичьего, Вознесенского монастырей, а также некоторых московских храмов: «Всякому русскому, но особенно жителю Москвы, нельзя не ощутить сердечного благоговения в этом храме при мысли, что он хранил в годину тяжкую все движимое благолепие наших церквей» [Шевырёв, с. 148].

Накануне выхода книги «Выбранные места из переписки с друзьями», в декабре 1846 г. Н.В. Гоголь написал С.П. Шевырёву из Неаполя: «Отыщи, пожалуйста, того самого священника, у которого я говел и исповедывался в Москве. Имени его не помню. Погодин или, еще лучше – мать его должна знать его. Священник этот несколько толст, с лица ряб, на манер С****, но мне очень понравился. Простое слово у него проникнуто душевным чувством. Всё, что я услышал о нем потом, было в его пользу. Отдай ему один экземпляр книги, скажи, что я его помню и книгу мою нахожу приличным вручить ему, как продолжение моей исповеди. Узнай также при этом случае его имя и уведоми, где он теперь: там ли или перешел в другое место» [Гоголь... т. 13, с. 443]. В ответном письме к Гоголю Шевырёв обещал, что этого священника найдёт и вручит ему экземпляр гоголевской книги [Там же, т. 14, с. 31].

Речь шла о священнике Иоанне Диомидовиче Никольском, который служил в церкви Саввы Освященного в Большом Саввинском переулке, приходском храме дома на Девичьем поле, где с 1836 г. жил М.П. Погодин. Гоголь останавливался в этом доме несколько раз. Первый раз он прожил у Погодина более полугодом, когда они вместе приехали в Москву из Рима 26 сентября 1839 г. В том же году он привёз в дом Погодина из Петербурга сестёр Анну и Елисавету и там же встретил свою мать Марию Ивановну, приехавшую за Анной вместе с младшей дочерью Ольгой. Тогда он жил у Погодина до 18 мая 1840 г. Второй раз он жил в этом доме с 17 октября 1841 г. до 23 мая 1842 г. К тому времени, вероятно, и относится знакомство Гоголя с отцом Иоанном Никольским, служившим в ближайшем к дому Погодина храме.

Сын Погодина Дмитрий Михайлович (1836 – 1890) вспоминал, что Николай Васильевич в то время, когда жил в доме его отца, «любил беседовать с духовенством и не обегал нашего немудрого, но очень добродушного религиозного старичка, отца Иоанна, переведенного из села Воронова графа Ростопчина, в наш приход св. Саввы Освященного, за усмирение одним пастырским словом 5-ти тысяч крестьян, не захотевших повиноваться распоряжениям графа Ростопчина в повелении сжечь Вороново» [Гоголь в воспоминаниях... т. 2, с. 526]. Также сын Погодина упоминал священника, когда описывал празднование Гоголем своих именин в их доме 9 мая 1850 г., церемонию которых

Гоголь начинал с того, что в кабинете принимал поздравления, а «затем он с гостями выходил в залу к молебну, который совершал у нас в доме наш приходской священник, отец Иоанн» [Там же, с. 534].

Дочь Погодина А.М. Зедергольм (1834 – ?) вспоминала, что «в последние два года своей жизни Гоголь редко бывал у Погодина, но часто присылал к Погодиным с просьбою попросить прийти к нему местного священника, настоятеля Саввинской церкви, возле которой жили Погодины. К престарелому священнику этому Гоголь относился с глубочайшим уважением и любовью, этот священник часто исповедывал и приобщал Гоголя Св. Таин» [Там же, с. 540]. Николай Васильевич ездил в Саввинскую церковь и на Масленичной неделе в 1852 г.: «Во вторник на масленице он приезжал к своему духовнику, живущему в отдаленной части города (На Девичьем поле. Старика Гоголь очень любил, узнав его в 1842 году, когда жил у меня по приезду из-за границы. – Позднейшее прим. М.П. Погодина), известить, что говеет, и спросить, когда может приобщиться. Тот посоветовал было дожидаться первой недели поста, а потом согласился и назначил четверг. В четверг явился он в церковь еще до заутрени и исповедался. Перед принятием Святых Даров, за обеднею, пал ниц и много плакал. Был уже слаб и почти шатался (Это рассказал мне после сам священник. – Прим. М.П. Погодина). Вечером приехал он опять к священнику и просил его отслужить благодарственный молебен, упрекая себя, что забыл исполнить то поутру» [Там же, с. 505-506]. Литургия, совершённая тогда отцом Иоанном, стала для Гоголя последней, которую он посетил в храме.

С.П. Шевырёв сообщал, что с Гоголем отец Иоанн был и перед самой его смертью: «Утром <19 февраля> больной снова исповедовался, приобщался Святых Таин и соборовался елеем, в полной памяти, в присутствии всех умственных сил своих, с сокрушением полного молитвой сердца, с теплыми слезами. Вечером положение его стало очень трудно; при нем был и духовник его» [цит. по изд.: Виноградов, 2018, т. 7, с. 316].

К последним дням жизни Гоголя относятся свидетельства современников о посещении им ещё одной московской церкви – храма преподобного Симеона Столпника (Введения во храм Пресвятой Богородицы) на Поварской улице. Последние годы в Москве Гоголь прожил в приходе этой церкви.

26 января 1852 г. умерла Е.М. Хомякова, в возрасте 35 лет, оставив мужа А.С. Хомякова и семь детей. Гоголю эти люди были очень близки, он был крёстным отцом их сына Николая, дружил с братом Екатерины Михайловны, поэтом Н.М. Языковым. Для Николая Васильевича эта смерть стала очень тяжёлой утратой [см. об этом: Воропаев, 2019, с. 246]. 30 января Гоголь был в храме Симеона Столпника, а затем навестил сестёр Веру Сергеевну и Надежду Сергеевну Аксаковых в их доме, находившемся неподалёку в Большом Николопесковском переулке. Вера Сергеевна сообщала об этом в письме к матери Гоголя 11 мая 1852 г., а затем и 30 января 1853 г. в своей записной книжке, вспоминая о последних днях жизни писателя: «...Вечером приехал Гоголь к нам в маленький дом, в котором мы жили. Мы сидели в отесенькиных комнатах. Гоголь взошел и на наш вопрос о его здоровьи сказал: – Я теперь успокоился, сегодня я служил один в своем приходе панихиду по Катерине Михайловне; помянул и всех прежних друзей, и она как бы в благодарность привела их так живо всех перед мной. Мне стало легче» [Виноградов, 2018, т. 7, с. 241]. В московских храмах в пятницу 1 февраля 1852 г. на литургиях было поминовение усопших из-за того, что Вселенская родительская суббота перед масленицей совпала в том году с двенадцатым праздником Сретения Господня. Гоголь был на поминовении в пятницу, накануне праздника на всенощном бдении и в день праздника на литургии. В воскресенье 3 февраля он также был на Божественной литургии в храме Симеона Столпника на Поварской улице. Вера Сергеевна Аксакова писала 11 мая 1852 г. к матери Гоголя, что в то воскресенье после службы он снова пришёл к ним и «опять хвалил очень своего приходского священника и всё служение; видно, что он был полон службой» [Там же, с. 262].

В храме Симеона Столпника тогда служил священник Алексей Иванович Соколов (1817–1890-е годы). Долгое время он был его настоятелем, в 1870-х годах стал благочинным Пречистенского сорока, в 1879 г. был переведён в кафедральный Архангельский собор в Московском Кремле, а с 1883 г. служил в Храме Христа Спасителя, был духовником К.П. Победоносцева [Там же, с. 263]. Он причащал и соборовал Гоголя перед смертью вместе с отцом Иоанном Никольским.

Сложно определить степень влияния московской приходской культуры на мировосприятие Н.В. Гоголя, однако следует отметить, что христианин возрастает духовно после каждой исповеди и каждого причастия. Также, судя по сохранившейся переписке и воспоминаниям современников, именно в Москве Гоголь нашёл пастырскую поддержку, необходимую ему в сложные периоды жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакшина Ю.В. Петербургские храмы в жизни и творчестве Н. В. Гоголя / Ю.В. Балакшина // Культура и текст. – 2020. – №2 (41). – [Электрон. ресурс] – URL: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2020/06/26-31.pdf> (27.12.2020).
2. Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Науч. изд.: в 7 т. / И.А. Виноградов. – М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018.
3. Виноградов И.А. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России / И.А. Виноградов. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 352 с.
4. Воропаев В.А. «Ей, гряди, Господи Иисусе»: тайна смерти Н.В. Гоголя в свете его церковного мировоззрения / В.А. Воропаев // Русско-Византийский вестник. – 2019. – № 1 (2). – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии. – С. 244–288.
5. Воропаев В.А. «Размышления о Божественной Литургии» Николая Гоголя: из истории создания и публикации / В.А. Воропаев // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. – 2003. – №1. – [Электрон. ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-o-bozhestvennoy-liturgii-nikolaya-gogolya-iz-istorii-sozdaniya-i-publikatsii> (26.12.2020).
6. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критич. изд.: В 3 т. / Изд. подгот. И.А. Виноградов. – М.: ИМЛИ РАН, 2012–2013.
7. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Н.В. Гоголь; сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. – М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.
8. Шевырёв С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырёва в 1847 году / С.П. Шевырёв. – М.: ИНДРИК, 2009. – 368 с.

А. Г. Ершов⁶

ПУШКИН И ГОГОЛЬ О ПОЭЗИИ («СЛОВА ПОЭТА СУТЬ УЖЕ ЕГО ДЕЛА»)

В статье рассматривается сходство и различие взглядов на поэзию А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. Для этого использованы гоголевские определения сущности и целей поэзии в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», а также стихотворения Пушкина, отражающие творческое кредо поэта. Анализ показывает, как в мыслимом диалоге с Пушкиным автор «Выбранных мест» обосновывает свой эстетический манифест.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями», предназначение поэта и поэзии, эстетический манифест.

Ershov A.G.

PUSHKIN AND GOGOL ABOUT POETRY ("THE WORDS OF THE POET IS ALREADY HIS WORK")

The article examines the similarities and differences of views on the poetry of A.S. Pushkin and N.V. Gogol. For this, Gogol's definitions of the essence and goals of poetry in the book "Selected Passages from Correspondence with Friends", as well as Pushkin's poems, reflecting the poet's creative credo, were used. Analysis shows how, in a conceivable dialogue with Pushkin, the author of Selected Places substantiates his aesthetic manifesto.

Keywords: A.S. Pushkin, N.V. Gogol, "Selected Passages from Correspondence with Friends", the purpose of the poet and poetry, the aesthetic manifesto.

Среди произведений Гоголя особое место занимают «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Эта книга была задумана в период глубокого духовного и творческого кризиса, который привел автора к разуверению в силе художественного творчества и декларативному отказу от предшествующих сочинений. Она создавалась в напряженном поиске новых путей в эстетике,

⁶ Ершов Артём Геннадьевич – выпускник аспирантуры по кафедре русской литературы РГПУ им. А.И. Герцена; cypress277@gmail.com.

была проникнута интонациями искренности, исповедальности и потому до сих пор является одним из важнейших источников наших знаний об отношении Гоголя к целому ряду проблем – от государства и семьи до художественной литературы, искусства. При этом особое внимание было уделено проблеме назначения и сущности поэтического творчества: помимо главы XXXI «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность», целиком посвященной обстоятельному рассуждению автора о сути поэзии, о том же говорится фактически во всей книге. И тогда на ее страницах появляется имя великого современника – Александра Сергеевича Пушкина. Он упомянут не менее 70 раз, причем не только в главах, где Гоголь касается лирической поэзии и литературы. И хотя работа над книгой началась в 1844-1845 годах, а к моменту ее выхода в свет прошло уже десять лет с момента гибели поэта, он остается для Гоголя едва ли не центральной, в некотором роде символической фигурой, когда речь заходит о поэзии и – шире – о художественном творчестве. А.С. Пушкин в «Выбранных местах» – своеобразный спутник мысли автора, эстетический образец и пример «честности званья» писателя, который при этом выступает одновременно и как единомышленник, и как оппонент, и спор с ним выводит Гоголя к новому пониманию русской культуры [см.: Золотусский, 2006, с. 354-369].

Все это подводит нас к мысли о необходимости рассмотреть основные тезисы Гоголя о поэтическом творчестве, многие из которых даны им в своей книге в связи с пушкинским образом, и сравнить их с художественными высказываниями самого поэта, чтобы определить сходство и различие взглядов на поэзию двух авторов.

Одна из первых – IV глава гоголевской книги «О том, что такое слово» – открывается следующими словами: «Пушкин <...> сказал так: “<...> слова поэта суть уже его дела”. Пушкин прав. Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен, как и всякой другой на своем поприще» (VIII, 229). То есть буквально с первых же строк главы, посвященной слову и поэтическому творчеству, автор говорит об этом, ссылаясь на сказанное Пушкиным. И хотя до сих пор нет единого мнения о том, действительно ли эти слова принадлежали поэту или же Гоголь приписал их ему, исследователи сходятся в том, что данный тезис отвечает пушкинской теории и практике словесного творчества [Сурат, 1998, с. 178]. Следует признать, что и современники Гоголя считали эту цитату пушкинской, а в дальнейшем А.А. Блок и В.Я. Брюсов использовали ее в своих статьях о поэте. Неслучайно такое особое отношение к слову, «общественное признание слова как деяния» Ю.М. Лотман связывал с именем Пушкина, отсылая к процитированному выше фрагменту «Выбранных мест» [Лотман, 1992, с. 374].

Образ поэта, который Гоголь рисует в главе далее, – это профетический образ божьего избранника, напоминающий нам о подобном образе в творчестве Пушкина. «Ведь ты же почувствовал сам честность званья своего, – пишет Гоголь, – ведь ты же умел предпочесть его другим, выгоднейшим должностям и сделал это не вследствие какой-нибудь фантазии, но потому, что в себе услышал на то призванье божие, ведь ты же получил в добавку к тому ум, который видел подальше, пошире и поглубже, нежели те, которые тебя подталкивали» (VIII, 230). В пушкинском стихотворении «Пророк» (1826) дается идеальный образ поэта, поэта-пророка. Исследователи отмечают, что с этим произведением «связаны наши представления о художнике вообще, о сути и цене его призвания – здесь, как и во многом другом, Пушкин задал основные парадигмы, по которым пошло развитие новой русской культуры» [Сурат, 2009, с. 146]. И следует отметить, как этот текст коррелирует с гоголевскими высказываниями. «И бога глас ко мне воззвал» у Пушкина соотносится с «услышал на то призванье божие» у Гоголя; а его слова о полученном поэтом уме, «который видел подальше, пошире и поглубже», возможно связать с дарами, полученными героем стихотворения и позволившими ему услышать «неба содроганье, и горний ангелов полет, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье».

Итак, поэт призван Богом на свое служение и одарен большей чуткостью и особенным взглядом, отличающим его от людей. Но всегда ли он так отличен от них? Неспроста Гоголь в своей статье предостерегает: «Поэт на своем поприще должен быть безукоризнен», – ведь в противном случае он может отойти от своего служения, оторваться от бога и «с самым чистейшим желаньем добра <...> произвести зло» (VIII, 231). Через весь текст «Выбранных мест» проходит не раз повторенная в разных формулировках гоголевская мысль о том, что поэт (и вообще литератор) должен хранить себя от крайностей, усмирять свои страсти и лишь тщательно выверенные и пережитые в душе его слова, идеи и образы приносить в собственные сочинения. Ту же мысль Гоголь выражает и по отношению к Пушкину в XXXI главе: «Даже и в те поры, когда метался он сам в чаду страстей, поэзия была для него святыня, – точно какой-то храм. Не входил он туда неопрытый

и неприбранный; ничего не вносил он туда необдуманного, опрометчивого из собственной жизни своей; не вошла туда нагишом растрепанная действительность» (VIII, 382).

Четвертая глава продолжается гоголевским размышлением о слове, развивающим все тот же тезис: «Обращаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок бога человеку. Беда произносить его писателю в те поры, когда он находится под влиянием страстных увлечений, досады, или гнева, или какого-нибудь личного нерасположения к кому бы то ни было, словом – в те поры, когда не пришла еще в стройность его собственная душа» (VIII, 231). Позднее в книге Гоголь также назовет светскую жизнь «омутом <...> где не следует быть и где нет места для поэта» (VIII, 402). Сходную мысль развивал Пушкин в стихотворении «Поэт» (1827):

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,

Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

Пушкин рисует двойственный образ человека, несвободного от мирских страстей, но заключающего в себе поэтический дар, дар слова. Сравнивая это стихотворение со стихотворением «Пророк», В.С. Соловьев замечает, что «в идеальном образе нет никакого раздвоения между житейским сознанием и поэтической сверхсознательностью, эта двойственность представлена пережитою, пересиленною, превзойденною. Но <...> в действительности будущее совершенство еще не в наших руках, мы еще переживаем настоящее, а его закон – именно та половинчатость, то раздвоение между праздником и буднями, между поэтической высотой и житейским ничтожеством, которое ярким контрастом выступает в стихотворении» [Соловьев, 1990, с. 79-80]. И, сообразно гоголевскому тезису, поэт у Пушкина, ощущая в душе божественное призвание, отдаляется от мира, от светской жизни, от человеческих взаимоотношений и страстей, чтобы те не захлестнули его творчество и не нарушили столь важного, искомого им равновесия. Именно «внутренняя сила равновесия, пребывающая в лоне поэзии нашей, – пишет Гоголь в XXXI главе, – хранит ее от крайности какого бы то ни было увлечения» (VIII, 379).

Совмещение высоких и низменных явлений, обретение равновесия между ними в поэтическом творчестве как черта истинной лирической поэзии и настоящего мастерства поэта – эта мысль не раз повторяется в «Выбранных местах». Ярчайший, лучший пример такого равновесия Гоголь находит в творчестве Пушкина: «В нем середина. Ни отвлеченной идеальности [Жуковского], ни преизобилья сладострастной роскоши [Батюшкова]. Все уравновешено, сжато, сосредоточено...» (VIII, 380). И далее: «Всё становится у него отдельною картиною; всё предмет его; изо всего, как ничтожного, так и великого, он исторгает одну электрическую искру того поэтического огня, который присутствует во всяком твореньи бога, – его высшую сторону, знакомую только поэту...» (VIII, 381).

Каково же мнение Пушкина? Здесь можно привести фрагмент его стихотворения «К Н***» (1832), какое цитирует и сам Гоголь в главе X «О лиризме наших поэтов»:

Ты любишь с высоты
Скрываться в тень долины малой,
Ты любишь гром небес, но также внемлешь ты
Жужжанью пчел над розой алой.
Таков прямой поэт.

Следует признать очевидное сходство взглядов Пушкина и Гоголя на то, что может стать предметом для лирического поэта: высокое и низменное равно становятся материалом, из которого поэтический дар создает свое творение; разные стороны жизни и человеческой природы находят в нем свое отражение, преображаясь в нечто цельное, уравновешенное и боговдохновенное. «Велению

божию, о муза, будь послушна», – пишет Пушкин в своем «Памятнике» (1836), о божественной природе поэтического дара говорит и Гоголь: Создатель призывает поэта на служение и дарует ему исключительную способность вмещать в себя противоречия мира и синтезировать их в единое, цельное и высокое творение.

Такова природа и сущность поэзии в понимании автора «Выбранных мест». Но какова же ее цель? – Продолжая начатый им в XXXI главе разговор о Пушкине, Гоголь пишет далее, что тот, хотя и откликнулся на всё и всё становилось предметом его поэзии, тем не менее, не делал из неё «никакого применения к жизни в потребность человеку <...> Ему ни до кого не было дела. Он заботился только о том, чтобы сказать одним одаренным поэтическим чутьем: смотрите, как прекрасно творение бога! и, не прибавляя ничего больше, перелетать к другому предмету затем, чтобы сказать также: смотрите, как прекрасно божие творение» (VIII, 381). Пушкин, по мысли Гоголя, «дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт, и ничего больше <...> Как ему говорить было о чем-нибудь потребном современному обществу в его современную минуту, когда хотелось откликнуться на всё, что ни есть в мире, и когда всякой предмет равно звал его?» (VIII, 381, 383).

Действительно, тема отстраненности поэта от общества, даже антагонизма ему, звучит во многих пушкинских стихотворениях. Здесь можно вспомнить, например, строки «Ты царь: живи один» и «Ты сам свой высший суд» из стихотворения «Поэту» (1830), «Хвалу и клевету приемли равнодушно» из стихотворения «Памятник». Однако ярче всего эта тема звучит в стихотворении «Поэт и толпа» (1828): «К какой он цели нас ведет? О чем бренчит? чему нас учит? – вопрошает чернь. – Какая польза нам от его песни?»; «Подите прочь – какое дело поэту мирному до вас!» – звучит ответ.

В этом и проявляется основное различие пушкинского и гоголевского взглядов на поэзию. «Влияние Пушкина, как поэта, на общество было ничтожно» (VIII, 385), – резюмирует свою мысль писатель и далее предлагает возможный – и кажущийся ему верным и необходимым – новый, альтернативный путь. Рассуждая о Н.М. Языкове и о том, почему последние его стихи вызвали упреки в пустоте содержания, Гоголь пишет: «Полюби потребное и нужное душе с такою силою, как полюбил прежде хмель юности своей – и вдруг подымутся твои мысли наравне со стихом, раздастся огнедышащее слово: изобразишь нам ту же пошлость болезненной жизни своей, но изобразишь так, что содрогнется человек от проснувшихся железных сил своих и возблагодарит бога за недуг, давший ему это почувствовать» (VIII, 389-390). И тут же добавляет, что Языкову не следовало идти «по стопам Пушкина».

В этих строках – своеобразная программа автора «Выбранных мест», его эстетический манифест, сообщающий читателям об истинных целях поэзии и – шире – литературного творчества. Поэзия, по мысли Гоголя, должна обращаться напрямую к душе человека, наставлять его на путь истинный и, даже изображая пороки и пошлость мирской жизни, подвигать читателя к исправлению. Сравним теперь эти строки с фрагментом реплик черни из приведенного выше пушкинского стихотворения:

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
<...>
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы слушаем тебя.

Вспомним, что отвечает на это поэт, и убедимся в том, что гоголевский взгляд здесь вступает в прямое противоречие с пушкинским.

«Слова поэта суть уже его дела» – так почему же Гоголь становится вдруг так строг по отношению к Пушкину? Неужели поэт творил бесцельно и не сделал добра своим творчеством? Призовем в защиту строки из пушкинского «Памятника»:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Исторический контекст последних строк широко известен: гражданская лирика Пушкина, стихотворные послания к П.Я. Чаадаеву и сосланным на каторгу декабристам могут восприниматься в качестве своеобразных слов-действий как ничто другое. Но ближе к финалу XXXI главы Гоголь словно бы отвечает именно на эти пушкинские строки, неизвестные писателю в их истинном виде по причине цензурных исправлений в Собрании сочинений поэта: «Христианским, высшим воспитаньем должен воспитаться теперь поэт. Другие дела наступают для поэзии <...> придется ей теперь вызывать на другую, высшую битву человека – на битву уже не за временную нашу свободу, права и привилегии наши, но за нашу душу» (VIII, 408).

Итак, перед нами два взгляда на высокие цели поэзии, которыми оправдано само поэтическое творчество; и цели эти в представлении Пушкина и Гоголя различны. Тем не менее, поэт не только славил земную свободу, но и пробуждал своей лирой добрые чувства, – это ли не то, о чем говорит Гоголь?!

Но, так или иначе, автор «Выбранных мест» остается непреклонен: «Поэзия наша, – подытоживает он, – пробовала все аккорды, воспитывалась литературами всех народов, прислушивалась к лирам всех поэтов, добывала какой-то всемирный язык затем, чтобы приготовить всех к служению более значительному. Нельзя уже теперь заговорить о тех пустяках, о которых еще продолжает ветрено лепетать молодое, не давшее себе отчета, нынешнее поколение поэтов; нельзя служить и самому искусству – как ни прекрасно это служение, – не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам искусство; нельзя повторять Пушкина. Нет, не Пушкин и никто другой должен стать теперь в образец нам: другие уже времена пришли» (VIII, 407). Рассуждения о сущности и назначении поэзии, проходящие через всю книгу «Выбранных мест» и тесно связанные с именем и образом Пушкина, приводят Гоголя к выводу о том, что даже такой самобытный поэт, каковым был Пушкин, если он прежде всего поэт «и ничего больше», не может иметь влияния на общество и не исполняет истинной цели поэтического и вообще литературного творчества. Новому же поколению литераторов следует, прежде всего, осознать задачу творческого воздействия на человека и вызова его на «высшую битву за душу».

Таким образом, исходя из сравнительного анализа художественных высказываний двух авторов о поэзии, можно сделать вывод о том, что, хотя взгляды Пушкина и Гоголя на природу и сущность поэзии были сходны, и Гоголь видел в Пушкине истинного поэта, превзошедшего в мастерстве своих современников, но отношение двух авторов к целям поэтического творчества было различным, и Гоголь объяснял это противоречие наступлением в литературе нового времени, требующего иного подхода к вопросам эстетики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ершов А.Г. Эволюция гоголевской рецепции Пушкина в 1830-1840-х гг. / А.Г. Ершов // LITTEA TERRA [Электронный ресурс]: Мат-лы V Междунар. конф. молодых ученых «Littera terra: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы», 2-3 декабря 2016 г., Екатеринбург. – Электрон. дан. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 11. – 1 эл. опт. диск (CD-ROM).
2. Золотусский И.П. Пушкин в «Выбранных местах из переписки с друзьями» / И.П. Золотусский // Пушкин в XXI веке. – Москва: Русский мир, 2006. С. 354-369.
3. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте // Лотман Ю.М. Избр. статьи: В 3 т. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. С. 365-376.
4. Манн Ю.В. Гоголь. Книга третья. Завершение пути: 1845-1852 / Ю.В. Манн. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: РГГУ, 2013. – 497 с.
5. Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. – Москва: Худож. лит-ра, 1988. Т. 2. – 527 с.
6. Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина / В.С. Соловьев // Пушкин в русской философской критике. – Москва: Книга, 1990. С. 41-91.
7. Сурат И.З. Биография Пушкина как культурный вопрос / И.З. Сурат // Новый мир. – 1998. – № 2. – С. 177-195.
8. Сурат И.З. Вчерашнее солнце. О Пушкине и пушкинистах / И.З. Сурат. – Москва: РГГУ, 2009. – 652 с.

ДИХОТОМИЯ ЭТИЧЕСКОГО / ЭСТЕТИЧЕСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ Н. В. ГОГОЛЯ
(по школьной программе)

Статья посвящена судьбам русской классики в современном мире – в частности, восприятию школьниками произведений Гоголя. Должны ли они, читая и анализируя эти классические тексты совместно с учителем, ориентироваться на изображение и понимание той или иной проблемы автором? Или же художественный текст следует воспринимать лишь субъективно, как это декларируют некоторые методики и программы? Таким образом, процесс расхождения этического и эстетического начал в произведениях Н.В. Гоголя можно соотнести с введением «новшеств» при изучении литературы в современной российской школе.

Ключевые слова: этическое, эстетическое, гармония, компетенция, «знаниевый» подход, навыки.

Bykova M.V.

THE DICHOTOMY OF THE ETHICAL / AESTHETIC IN THE WORKS OF N. V. GOGOL
(according to the school curriculum)

The article is devoted to the fate of Russian classics in the modern - in particular, the perception of Gogol's works by schoolchildren. Should they, reading and analyzing these classical texts together with a teacher, focus on the image and understanding of a particular problem by the author? Or is it possible to perceive a literary text only subjectively, as some methods and programs declare? Thus, the process of divergence of ethical and aesthetic principles in the works of N.V. Gogol can be related to the introduction of "innovations" in the study of literature in the modern Russian school.

Keywords: ethical, aesthetic, harmony, competence, «knowledge» approach, skills.

Одна из главных задач, какую ставил перед собой Н.В. Гоголь как художник, – примирение эстетического и этического начал искусства. В ранний период своего творчества, подобно художнику Пискарёву, доверившемуся Невскому проспекту и прекрасной незнакомке, писатель был ведом красотой и служением ей, уверенный, что она сама по себе и есть дорога к добру. Нравственное было для него следствием эстетического, а не результатом кантовского «нравственного усилия над собой». Но вот вопрос: разделил ли автор трагическую судьбу своего героя-художника, когда обнаружил, что такие его произведения, как «Ревизор», имеют более художественный успех, нежели моральное воздействие?

В случае с художником Пискарёвым гармония («...красота, красота нежная... она только с одной непорочностью и чистотой сливается в наших мыслях». – Гоголь, с. 126) разбивается о холодное порочное сердце красавицы-незнакомки – «порождения» или своего рода фантома Невского проспекта. Герой не в силах отказаться от однажды выбранного «категорического императива» и не выносит мысли о том, что целостная картина мира, где красота и мораль слиты воедино, порождая друг друга, оказалась ущербной, расколотой. Оставив читателя гадать, чего больше не выносит художник Пискарёв: крушения любви или идеала, – писатель Гоголь в реальной жизни будет невыносимо мучиться этим несоответствием до конца своих дней, не оставляя попыток воссоздать некую целостность.

Не секрет, что гоголевская эстетика держится на двух китах: юморе и мистике. Одним из оснований такого взгляда стали наблюдения за умственно неполноценным потомком князей Васильчиковых (какое-то время Гоголь был его воспитателем): «Мне часто случалось быть свидетелем, как ребенок, признанный за неспособного ни к чему, обиженного природою, – слушал с неразвлекаемым вниманием страшную сказку, и на лице его, почти бездушном, не оживляемом до того никаким чувством участия, попеременно прорывались черты беспокойства и боязни. Неужели нельзя задобрить такого внимания в пользу науки?» [Гоголь, с. 160]. Здесь речь идёт о привлекательности как самой эстетики фольклорного произведения, так и методики его изучения и преподавания.

⁷ Быкова Марина Владимировна – преподаватель русского языка и литературы в Реставрационно-художественном колледже г. Санкт-Петербург; m.bykova2802@yandex.ua.

Подобными идеями была пронизана первая «ученая» статья молодого педагога о преподавании детям географии [см. об этом: Гоголь, с. 446-448]. Кстати, некоторые ее положения вполне современны. Так, автор предлагал на географических картах обозначить контрастными цветами распространенность просвещения, чтобы ученики лучше видели – а значит и поняли! – особенности самого процесса. Такое и подобные предложения были направлены на то, чтобы облегчить усвоение материала, заинтересовать учеников, привлечь их к сотрудничеству. Однако преподавательского запала у будущего классика хватило ненадолго. Практически всё осталось на уровне проектов, да и сам Гоголь потом отзывался о своей педагогической деятельности и успехах на этом поприще весьма нелестно. Тем не менее, современная школа во многом идёт по тому же пути.

И всё чаще в виртуальном и реальном пространстве раздаются голоса, утверждающие, что академическое преподавание литературы в школе – так называемый «знаниевый» подход, в основе которого лежат готовые ответы на основополагающие вопросы, – изжил себя, не приносит должных результатов. А на смену ему предлагаются «новые» методики, по сути, заимствованные, – это путь обучения литературе (и не только) в школах Европы. Одна из главных называемых причин, почему необходим перевод образования на новые рельсы, – быстро меняющаяся среда обитания человека, где знания быстро устаревают. А это означает, что давать их бессмысленно: надо не учить, а «учить учиться», чтобы обучающийся мог сам добывать себе знания. Понятно, что переход нашего образования на новые стандарты лишь начинается, но, тем не менее, есть реальная возможность увидеть его результативность, опираясь и на опыт наших зарубежных коллег (у них-то и позаимствовали большинство этих стандартов), и на достижения учеников некоторых наших школ, уже работающих по новым образовательным программам.

Лет семь назад племянник, живший тогда в Манчестере и учившийся в 9-м классе английской школы, похвастался мне достижениями при изучении литературы: его исследовательская работа по творчеству Шекспира получила высший балл и победила на конкурсе. Гордая успехами родственника, я поинтересовалась темой исследования. «Ведьмы в творчестве Шекспира», – не менее гордо ответил Джозеф. От этой темы «веет» не только пресловутым «Гарри Поттером», который, кстати, включён в школьную программу на Украине, уже вкусившей «запретный плод» европейского образования. Но об этом позже...

Вернёмся к творчеству Гоголя. Именно языческая, колдовская тема, сделавшая его популярным уже в начале творческого пути, привлекает к нему и читателя-школьника, и современный кинематограф. Сам писатель назовёт позже «Вечера на хуторе близ Диканьки», где она прозвучала впервые, итогом «сладких минут молодого вдохновения». Вершины его пути – впереди. Можно предположить: зрелый Гоголь не желал включать в своё первое собрание сочинений этот сборник, он представлялся ярко раскрашенными географическими картами из своей же цитированной выше «педагогической» статьи – способом привлечь внимание к предмету, но не понять его глубоко. Это своего рода первое «приближение» к жизни, когда автор примеривается, ищет ракурс, предвосхищая дальнейший поиск и познание, приглашая читателя следовать за ним предлагаемым маршрутом. Вот открытая дверь! И если Гоголь для нас – фантастика, смех и колдуны, мы в эту дверь так и не вошли. Но ведь важна не она сама, а то, что за ней. Видимо, так полагал сам писатель [Золотусский, с. 132].

Кажется очевидным, что задача педагога – сделать это следование за писателем возможным для ученика. А это уже совместный труд учителя и ученика. И вот здесь слышится голос наших дорогих европейских (и не только европейских) коллег:

- Ученик – ребёнок, он должен играючи приобретать знания.
- Простите, жить он тоже играючи будет? – возражаю я.
- Ученику должно быть интересно!
- Да, но интерес не должен становиться самоцелью в образовании. Он – средство привлечения внимания, об этом тоже Гоголь писал.

- Школа не должна давать знания – она должна «привить стремление к учебе на протяжении всей жизни, характеризующееся энтузиазмом и сопереживанием». Нужно «воспитать всесторонне развитых учащихся, которые реагируют на поставленные перед ними сложные задачи с оптимизмом и ищут нестандартные подходы, уверены в себе, решают этические дилеммы, разделяют идею общности людей во всем мире и готовы применить полученные навыки на практике в сложных и непредсказуемых ситуациях». Последнее взято в программных документах одной из школ Санкт-Петербурга, а именно в ее «Политике оценивания», которая направлена «на то, чтобы способствовать выработке у учащихся *навыков* обучения на протяжении всей жизни» [Международная школа... Курсив мой. – М.Б.]. Другими словами, следуя данному документу, оценивать надо не содержание и степень усвоения материала, а развитые при этом **навыки**

- рассуждения (неважно, о чём);
- нахождения нужной информации (какой – тоже неважно), например, в IT-источниках;
- выполнения работы в команде (опять же, неважно: какой и ради чего) и т.п.

Тем временем сама изучаемая тема ускользает от внимания учащихся, становится не целью, а средством, когда важно не владение темой дискуссии в принципе, а «градус» её обсуждения. И как результат поиска «нестандартных подходов» в качестве итоговой работы по изучению, например, повести «Тарас Бульба» восьмиклассникам предлагается вести дневник от имени запорожского казака, представив, что он в отряде Тараса. А ведь именно от этого предостерегал учителей-словесников классик отечественной педагогической науки Г.А. Гуковский, называя «наивным реализмом» стремление ученика соотнести себя с литературным героем.

В итоге, урок превращается в обмен «интересными» мнениями. «Вот, дети, – говорит учитель, – я считаю, что “Пушкин – наше всё”. Вы-то как думаете?»

А они ему отвечают:

«Онегин – слабак, ему надо было под любым предлогом вызвать Татьянинного мужа на дуэль и прикончить, как Дантес Пушкина»;

«Вот Печорин – сверхчеловек»;

«Что до Поприщина <...> то разница между ним и Онегиным несущественна, ведь мир давно сошёл с ума, все люди – безумцы, по-онегински скачущие от увлечения к увлечению (читай: от сумасшествия к сумасшествию. – М.Б.), и только горстка Печориных мужественно оставляет миру свои записки – записки несумасшедших».

Эти ответы не вымышлены. Все цитаты взяты из статьи В.Я. Звиняцковского, которую он предоставил для полемики, безусловно, предполагая наши возражения. Он горд своими нынешними учениками, девятиклассниками, потому что они, как сказано в статье, «читают и взахлёб, и внимательно. Всё, что угодно. Лишь бы не учебники. Лишь бы не задачки с заведомо известными ответами. Лишь бы дали сделать *свои* выводы – пусть дикие, но *свои*» [Записки... с. 186; курсив мой. – М.Б.].

А вот и пример таких «своих» выводов – фрагмент эссе, написанного после обсуждения повести «Записки сумасшедшего»:

«Как бы парадоксально ни звучало, но в этот момент, рассматривая старую фотографию, сделанную первого сентября 2008-го года, когда я только ступила на сей тернистый путь к образованности, среди сутулых фигур моих тогдашних одноклассников я буквально оцущаю присутствие «старшего братика», торопливо ищу его силуэт в толпе. Эта фотография отвратительна во всем: она сделана против солнца, отчего наши и без того раскрасневшиеся на жаре лица становятся абсолютно бордовыми. В глазах всех и каждого видны растерянность и усталость, взгляды смущенно устремляются в пустоту под давлением пары десятков объективов. Картину дополняют лишь нелепые букеты цветов, завернутые в слои гофрированной, глянцевой либо сетчатой бумаги. Только здесь, среди пикселей, я вижу их истинную суть: без пяти минут трупы, вырванные из родного ареала обитания, буквально ампутированные от источника питания, приговоренные к преждевременному разложению и гниению среди прочих отходов жизнедеятельности современного человека. Чувствую легкую дрожь, но единственное, о чем я готова скорбеть, – это их мимолетная красота, не приносящая радости никому. Пучки цветов давно стали нелепым атрибутом на подобных торжествах, таким же, как парадный костюм или собранные волосы. Настолько неоправданная трата миловидности и изящества вполне сравнима с преступлением. Я всегда искренне желала научиться ценить красоту абсолютно во всем, но чем искуснее в этой непростой науке я становлюсь – тем тяжелее мне уживаться в реалиях повседневности» [Записки... с. 188].

– Находясь в гоголевской системе координат, которая задана самой темой эссе, невольно пытаешься представить, кому из её персонажей мог бы принадлежать этот голос. «Возлюбленной» Пискарёва (если допустить, что та в одночасье освоила письмо)? Или нет. Может, это Чертков? – другой гоголевский художник, который в конце своей карьеры, в отличие от Пискарёва, не нашедшего идеальное в жизни, уничтожил всё прекрасное и недостижимое для себя в ней. Так или иначе, расколота картина мира налицо. Но ведь у Гоголя не об этом или, вернее, *не для этого*. «Он весь – дитя добра и света»...

Грустно... Дверь, открытая «Вечерами на хуторе близ Диканьки», закрылась. Мы так и не узнали, что Гоголь – это свет, а не тьма! Вот **главное для писателя!** «Слон» остался незамеченным, да и цели найти его не стояло вовсе. Была цель – развить навыки устной и письменной речи. И она достигнута. Однако «человеческое, слишком человеческое» не оставляет нас и побуждает задуматься: почему у девочки, писавшей эссе, такое мироощущение в 15 лет!?

Ребёнок счастлив и спокоен, когда растёт в мире незыблемых истин, – тогда он может опереться на них. И если так, в его душе царит гармония – внутреннее целостное восприятие жизни, правильно расставленные приоритеты. Неслучайно после успеха «Вечеров» Гоголь напишет «Невский проспект», «Портрет», «Записки сумасшедшего», то есть повести о Петербурге, пронизанные – среди главных тем – и темой двойничества. Писатель словно раскалывает мир на части. Двусторонность, противоречивость – отличительные черты его творчества. Из двух героев «Невского проспекта» один – возвышенный – отказывается видеть жизнь такой, как она есть, а другой пользуется благами жизни, не задумываясь о моральной стороне вопроса. В повести «Нос» двойник майора Ковалёва, его собственный нос, персонифицирует отрицательные черты героя. Герой повести «Шинель» Акакий Акакиевич Башмачкин после смерти становится своим же двойником, противоположенным себе «прошлому», живому по характеру: смелым, грубым, не лезущим в карман за словом, способным (страшно подумать!) на месть. В повести «Коляска» противопоставлены две картины мира: до и после прихода кавалерийского полка в городок, а в «Записках сумасшедшего» – две ипостаси рассказчика (в своём уме и «в Мэри-Эннином»). Отрывок «Рим» композиционно держится на противопоставлении бездуховной, поверхностной современности Парижа и древней глубокой христианской культуры Рима. Двойственна и сама Италия, содержащая в себе великую древность и поблёкшую современность.

Смысловая нагрузка этого художественного приёма очевидна. Чтобы познать внутренний мир героя или суть явления, процесса необходимо соотнести их с другой духовной сущностью, либо с другим явлением, процессом – противоположным. Это ответ на вопрос, зачем Гоголь раскалывает мир на части. Чтобы нечто изжить, его изначально надо выделить, персонифицировать, а уже потом постепенно отодвигать от себя. Это составляющие духовного роста, на другом этапе которого внутренний мир героя воссоздается как бы заново. Говоря современным языком, речь идёт о переформатировании. Для Гоголя же здесь возникает, пожалуй, основополагающий вопрос всего его творчества: способно ли искусство заново воссоздать мир? Ведь цель писателя – не расколоть мир на части и с упоением (по выбору читателя) остаться в одной из них, ловить ускользающую красоту в зазубренных краях осколков, – а именно вернуть миру целостность – обновлённую реальность, очищенную от греха. Следовательно, мы (читатели, исследователи), следуя законам развития такой эстетики, стремясь исчерпать его до конца, должны достичь «пункта назначения», ведомые автором. Однако, если следовать новым образовательным программам, эта цель оказывается второстепенной и, более того, необязательной. В этом конкретном случае мир так и остается расколотым на части, гармония не достигнута. Исходя из новых образовательных стандартов, это оправдано, поскольку при анализе текста нас должен интересовать не сам текст с его смыслом, а отработываемый навык – «компетенции», «универсальные учебные действия».

Таким образом, мы погружаем (и не «учащегося», а «обучаемого» – тоже есть о чём подумать!) в мир постоянно ускользающего смысла (так и хочется процитировать Машу из чеховских «Трёх сестёр»: «И всё-таки смысл?»). Да, пожалуй, он где-то есть, но вторичный и необязательный. Так будет, если мы изучаем обёртку, не догадываясь о содержимом, развиваем средства, не добиваясь цели, – то есть подменяем понятия. А расколота картина мира в петербургских повестях Гоголя не преОБРАЗовалась, не стала целостной, ведь образ – нечто целое, завершённое. Соответственно своей семантике, ОБРАЗование должно давать ответы. Повторюсь, внутренне цельное восприятие жизни – вот его конечная цель, а не механизированный отработанный навык. Может, потому всё больше появляется в наших классах учеников с невообразимым цветом волос и одежд, что у них **нет** ответа: **не знают**, кто они и как жить так, чтобы не было страшно. Образование сломалось и не даёт ответа – и наши дети прячутся за краски, накладные уши, бесформенные одежды, ищут защиты на стороне, не надеясь на неё там, где должны были получить...

А что же родители обучаемых? Многие из них бьют тревогу. Не так давно я разговаривала с мамой, переживавшей, что её дочь, с трудом осилив повесть «Алые паруса» А. Грина, осталась равнодушной к судьбе Ассоль. Что ответить встревоженной родительнице? Она и её внутренний мир – плод «знаниевого» образования, что давало выверенные ответы на основополагающие вопросы, формировало гармоничную картину мира. Её дочь находится уже в другой системе координат, поскольку получает «компетентностное» функциональное образование, нацеленное не на поиск истины и идеалов, а на выработку навыков и умений. Урок литературы – такой, каким она знает и видит его, – напоминает, скорее, «Клуб любителей книги», где обмениваются мнениями, как в новостной ленте Интернета: чем «чудесатее», тем лучше.

- Как ты, Машенька, поняла Гоголя?

- А ты как, Петенька?

- А вам как кажется, Мариванна?

В итоге остаётся чьё угодно мнение, но только не Гоголя. «Наивный реализм» – чувственно-эмоциональное восприятие текста, не подкреплённое культурно-историческим, духовным и другими контекстами, – расцветает буйным цветом, поскольку его провоцирует сама направленность обучения. В итоге «продуктом» образования (и это слово не оговорка, оно тоже из новых образовательных программ) становится человек, который умеет классифицировать, анализировать, оперировать понятиями, работать в команде, но при этом вектор его устремлений ничем **не ограничен**, как и практически **не направлен**. Нет и понимания: зачем всё это делать? Данный образовательный подход в принципе исключает вопросы «зачем» и «почему», оставляя лишь «что», «как» и «насколько». Кстати, одним из основных критериев оценки творческих итоговых или конкурсных работ в последнее время стало эмоциональное воздействие. Должно быть интересно, надо разжечь буйство страстей, желаний, эмоций («афтар жжот»).

Современное человечество очень многословно. И это парадоксально, ведь мы живём в «старом» мире, где, по большому счёту, всё уже сказано, и чтобы привнести нечто новое в искусство, надо уже не созидать, а разрушать. Казалось бы, этот непреложный факт должен направлять умы на изучение уже пройденных маршрутов. Однако «по чужому следу за пядью пядь» идти не хочет сегодня никто. В нашу эпоху пишут все, кому не лень (или те, у кого есть навык письма): от домохозяйки до политиков. Но кто заметит, кто найдет их монолог в безднах Интернета? И вот ответ: у монолога неадекватного, не похожего на другие, больше шансов быть замеченным. Не услышанным, а замеченным – это важно! и наши ученики усвоили это. По замыслу Гоголя, мелкий чиновник Поприщин сходит с ума от того, что его никто не слышит, а не слышит потому, что, по сути, он молчит – ведь сказать-то нечего! Современные Поприщины обрели свое «поприще» в Интернете. И они кричат, каждый на свой лад, но сказать по-прежнему нечего, и можно сойти с ума лишь от одного крика.

Умение различать здоровое и больное, созидающее и разлагающее сложно уложить в рамки компетентного подхода. Чтобы освоить его, необходим духовный опыт поколений. В потоках же Интернета слово классика звучит наравне с мнением подросткового блогера, голос автора раздаётся так же, как бормотание Поприщина, – и создается впечатление, что это явления одного порядка. Вот и черпают наши дети из Интернета не «воду живую», а что попало...

Очень хочется верить, что упомянутые изменения в структуре нашего образования всё же не позволят дать утвердительный ответ на вопрос, хотел ли Шекспир, поднявшийся в «Гамлете» на недостижимую для многих своих последователей-писателей высоту христианской мысли, чтобы «сухим остатком» изучения его творчества для зрителя или читателя стала «языческая тема» колдовства, и не будет ли формироваться у читателя представление о Николае Гоголе только как о писателе-авторе сценариев фильмов ужасов или фэнтези. И речь в данном случае идёт, как минимум, об уважении к творцу.

В «Божественной комедии» ее автор – герой, политик, воин, действительно участвовавший в сражениях, – падает в обморок, пребывая во втором круге Ада, когда узнает, что причиной грехопадения его соотечественников Паоло и Франчески стала книга. Он представляет, что воспетая им бессмертная любовь к Беатриче может быть понята превратно! Такая степень честности художника перед самим собой была доступна и Гоголю. Тема сохранения живой человеческой души, подлинного человеческого лица в мире, полном фантазмагорий, искажений и абсурда, бесконечно трогательна для него именно своей двойственностью. Истинные и ложные ценности, спор творчества и ремесла, традиция, за которой смысл, подсказанный инстинктом самосохранения, и красивая поза, простота решения вопроса, за которой выгода и сиюминутное удовольствие, – всё это пазлы, а из них складывается динамичная картина постоянно меняющегося бытия, отраженного художником. Но это вовсе не означает, что в его представлении обозначенные составляющие **равноценны**. Отсекание традиций, уничтожение принятых точек зрения как якорей, на которых зиждется культура, влечёт за собой разрушение и смерть самой культуры. Верное прочтение классической литературы, продиктованное логикой развития художественного образа, и есть одна из этих общих постоянных точек.

Мы унаследовали не только гоголевское стремление примирить творчество этического и эстетического, но и саму эту задачу: она всё так же стоит перед учителем литературы. Он должен решить для себя, кто он: Чертков из повести «Портрет», в своём стремлении к внешней привлекательности предающий суть искусства, или безымянный художник из той же повести, через чью кисть в мир приходит Истина. Он может стать Экскурсоводом, холодно скользящим указкой по полотну шедевра, или Проводником. Ведь ничего не изменилось в мире лишь потому, что он стал динамичнее и своенравнее. По Невскому проспекту (и не только) продолжают ходить

легкомысленный прожигатель жизни Пирогов и романтик Пискарёв, который всё так же ищет идеал, хочет разгадать тайну гармонии жизни. Он ищет ключ, открывающий все замки, – тот «культурный код», сложный и многообразный. Самому Пискарёву не справиться... И это мы должны помочь ему отыскать код и открыть дверь... Ну, не быть же ей вечно запертой!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гоголь Н.В. Арабески / Н.В. Гоголь; Изд. подготовил В. Д. Денисов (составл., сопроводит. статья, коммент.). – СПб.: Наука, 2009. – 512 с. – (Лит. памятники).

<Записки...> Звизняцковский В.Я., Филипова Е. Записки учителя словесности в соавторстве с любимой ученицей / В.Я. Звизняцковский, Е. Филипова // Радуга. – 2017. – № 7-8. – С. 186-190.

Золотусский И.П. Гоголь / И.П. Золотусский. – М.: Мол. гвардия, 1979. – 511 с. – (ЖЗЛ. Серия биогр. Вып. 10).

<Международная школа...> Международная школа Герценовского университета. Программа Международного бакалавриата. – [Электрон. ресурс]. – URL: https://interschool.ru/?page_id=921.

*С. Е. Волоскова*⁸

ПУШКИНСКИЕ ДНИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В статье сравнивается подход к проведению Пушкинских дней для учащихся в середине XX и в начале XXI в. Отмечена тенденция к отказу от жесткого сценария в пользу игровых и интерактивных технологий, акцентируется важность персонального подхода к участникам мероприятий. Подчеркнута важность использования в библиотеке как современных технологий, так и традиционной книги для пробуждения интереса к биографии поэта и его произведениям.

Ключевые слова: Пушкинский день, библиоквест, библиотечный диалог, памятные даты.

Voloskova S.E.

PUSHKIN'S DAYS: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

The article compares the approach to holding Pushkin days for schoolchildren in the middle of the XX and at the beginning of the XXI century. There is a tendency to abandon the rigid scenario in favor of gaming and interactive technologies, and the importance of a personal approach to school pupils is emphasized. The importance of using both modern technologies and traditional books in the library to arouse interest in the biography of the poet and his works is emphasized.

Keywords: Pushkin day, biblioquest, library dialogue, memorable dates.

Особое отношение к А. С. Пушкину как феномену русской культуры сложилось еще при жизни великого поэта, а со временем столь «торжественный» подход стал основным. Эта тенденция отчетливо проявляется, когда школы и библиотеки в канун памятных и юбилейных Пушкинских дат традиционно проводят целый ряд посвященных им специализированных мероприятий. Интересно сравнить организацию Пушкинских юбилейных торжеств, ориентированных на детскую и молодежную аудиторию, в 1930-е годы и в наши дни.

Накануне 100-летия со дня смерти А. С. Пушкина, в 1936 г., было издано несколько методических пособий по проведению Пушкинских дней в школах. Что же рекомендовали организовать для школьников к этой памятной дате? – В одной из брошюр читаем: «Цель этих празднований в том, чтобы изучить творчество чествуемого гения, критически освоить его наследие с точки зрения пролетариата и его культурных нужд» [Луначарская, с. 4]. Авторы другого пособия видели задачу учителей в том, чтобы «красочно связать с образами изученные персонажи бессмертных произведений поэта, облечь их плотью и кровью и поставить их в ту обстановку, которая воскресила бы (20-е – 30-е) годы Пушкинской поры» [Помощь школе... с. 3]. Еще в одном пособии подчеркнули основное в торжествах: «Учащиеся должны понять ценность культурного наследия, которое оставил нам Пушкин, и его место в истории нашей литературы» [Липеровская, с. 8].

Итак, даже если отбросить идейную составляющую, мероприятия в Пушкинские дни отличались серьезным, масштабным подходом и требовали соответствующих форм реализации.

⁸ Волоскова Снежана Евгеньевна – кандидат филологических наук, зав. отделом Фундаментальной библиотеки РГПУ им. А.И. Герцена; snezhana29@yandex.ru.

Вечера обычно планировались как концерты в двух отделениях: с декламацией стихотворений, хоровыми или сольными музыкальными номерами, «живыми картинами», инсценировкой пушкинских произведений, кукольным театром, картинами «волшебного фонаря» или диаскопа. Как правило, все это начиналось и/или дополнялось докладами о жизни поэта и его творчестве.

Вот примерная программа «Вечера сказок Пушкина» для учащихся 1–5 классов:

«1-е отделение.

1. Вступительный доклад учителя о Пушкине (биографический материал и краткая характеристика его творчества).
2. Декламация стихотворения Лермонтова «На смерть поэта».
3. Инсценировка пролога к поэме «Руслан и Людмила».
4. Чтение по ролям текста из «Сказки о царе Салтане»: князь Гвидон у острова.
5. Хор учащихся исполняет вступление к последней картине 3-го чуда на текст: «Остров на море лежит», муз. Римского-Корсакова (фортепиано).
6. Арии Гвидона: «Ветер по морю гуляет» или «Ты, волна, моя волна», муз. Римского-Корсакова, исполняются соло.

2-е отделение.

1. Чтение по ролям текста из «Сказки о царе Салтане»: встреча князя Гвидона с царем Салтаном.
2. Скрипка исполняет «Полет шмеля», муз. Римского-Корсакова.
3. Хор поет «Колыбельную песню» из «Сказки о царе Салтане», муз. Римского-Корсакова»

[Помощь школе... с. 4].

В пособиях особо отмечалось, что далеко не все номера программы могут быть исполнены учащимися: «Для выполнения музыкальных номеров нужно пригласить специалистов, или, если вечер устраивается в сельской школе, любителей, умеющих играть на рояле и петь» [Луначарская, с. 96].

В наше время довольно сложно представить подобную программу в начальной школе, учитывая, например, данные к докладам рекомендации: «...рассказ... не должен быть длинен, – минут на 20-25» [Там же. С. 94]. Такой подход к популяризации наследия Пушкина ныне представляется излишне серьезным, сложным в плане подготовки и, скорее всего, не заинтересует, а отпугнет учащихся.

Обратимся к современной практике организации мероприятий к памятным литературным датам. В июне 2019 г. в Фундаментальной библиотеке был проведен «Пушкинский день», посвященный 220-летию со дня рождения великого поэта. При организации такого Дня нужно было учесть ряд принципиальных моментов. В его рамках необходимо было провести несколько мероприятий для различных целевых аудиторий: школьников, студентов, преподавателей вуза и сторонних посетителей разного возраста. Дело в том, что летом 2019 г. в РГПУ им. А.И. Герцена по инициативе ректора С.И. Богданова стартовал проект «Педагогические сезоны», распахнувший двери университета и петербуржцам, и гостям города. Библиотека – значимое университетское подразделение – принимала активное участие в проекте как пространство, открытое для всех посетителей. Безусловно, 220-летний юбилей А.С. Пушкина стал важным информационным началом для «Педагогических сезонов».

Таким образом, Фундаментальная библиотека выступила координатором мероприятий различного формата, объединенных бессмертным именем Пушкина, и предоставила свои залы и ресурсы для всех заинтересованных участников. В этот день в Зимнем саду библиотеки в формате традиционных «Герценовских литературных встреч» прошла встреча с писателем Дмитрием Миропольским, автором приключенческих книг «1814» о лицеистах и «Русский Зорро» о благородном разбойнике Владимире Дубровском. Модераторами встречи, как и всего культурно-просветительского проекта, стали профессор кафедры русской литературы РГПУ им. А.И. Герцена Мария Александровна Черняк и директор библиотеки Натела Нодарьевна Квелидзе-Кузнецова. Участниками проекта, в первую очередь, стали студенты университета.

Почти одновременно в интернет-зале библиотеки состоялась интеллектуальная битва: ее сотрудники и студенты-герценовцы соревновались в знании творчества и биографии Пушкина. Игра была организована «Интеллектуально-развлекательным инклюзивным клубом № 1» в формате «Своей игры». Ее особенностью стало то, что здесь смогли принять участие студенты с ограниченными возможностями. В 3 турах участникам пришлось отвечать не только на обязательные вопросы, но и проявлять сообразительность. Например, нужно было догадаться, как найденный на реке Лене мамонт связан с Пушкиным. Правильный ответ – мамонт получил имя Ленский – сумели найти далеко не все участники.

Кроме того, в библиотеке были развернуты выставки, посвященные дню рождения поэта: «Что за прелесть эти сказки!» и «Пушкин в жизни». Здесь можно было увидеть публикации сказок поэта, включая посмертное «Собрание сочинений» 1838 г., а также издания, посвященные самим сказкам, – например, статью А. Ахматовой «Последняя сказка Пушкина» (№ 1 журнала «Звезда» за 1933 год). На другой выставке были представлены прижизненные издания произведений поэта, в том числе – в альманахах декабристской направленности, репродукции его автографов и прижизненных портретов, издания мемуаров пушкинских современников.

Анализ современных библиотечных тенденций свидетельствует о том, что для современного посетителя библиотеки одно только наличие тематической выставки к юбилейной дате оказывается недостаточным. Для того, чтобы выставку захотели посетить, ее необходимо связать с некой общей концепцией праздничных торжеств.

В качестве такой концепции был разработан библиоквест «Пушкинский маршрут» в залах библиотеки. Его разработке предшествовало изучение современных материалов по использованию библиотечного пространства. Специалисты библиотечного дела подчеркивают «значение таких, на первый взгляд, эфемерных понятий, как аура физического библиотечного пространства, влияние создаваемой профессионалами атмосферы на восприятие книги и других документов. И что особенно важно – на то самое погружение в культуру, интеллектуальное творчество, которое представляет собой сердцевину библиотечного диалога» [Матлина, с. 52]. Именно погружение в культуру и возникновение диалога с посетителями в библиотечном пространстве стало целью разработки «Пушкинского маршрута».

Интерактивно-игровая форма квеста была выбрана с целью «создания позитивного эмоционального настроения, пробуждения интереса, вызова» [Поощряем чтение... с. 15]. Ориентация на предполагаемую аудиторию – студентов и школьников, находящихся на каникулах, – задавала формат взаимодействия и его основные принципы: низкий порог вхождения в квест, возможность дозировать степень активности и участия, возможность варьировать степень самостоятельности выполнения заданий.

«Пушкинский маршрут» – это квест по залам библиотеки, предполагающий поиск ответов на вопросы маршрутного листа, чтобы посетить все заранее созданные «Пушкинские места». Так, посетитель должен был оставить запись или рисунок в «Пушкинском альбоме», поучаствовать в сборке пазла «Кот ученый», сделать фото в «Пушкинской фотозоне» и ответить на вопросы видеовикторины (подсказки можно было найти на двух вышеуказанных выставках).

При разработке маршрута сознательно был использован метод монтажа, который «фокусируя внимание на том или ином объекте, возбуждая у посетителя... интерес к значимому факту или событию» [Матлина, с. 127], позволил бы участнику свободно перемещаться в библиотечном пространстве. Каждый вместе с маршрутным листом получал план библиотеки и мог самостоятельно выполнять задания квеста в любой последовательности. При этом он не был обязан пройти квест целиком, а также, при желании, мог обратиться за помощью к дежурным библиотекарям. Данный момент был специально предусмотрен, так как, согласно современным исследованиям молодежной части аудитории публичных библиотек (12-18 лет), она «нуждается в особом библиотечном обслуживании, отличном от услуг для детей и взрослых», ведь специалисты объясняют это тем, что молодые люди «зачастую не очень уверены в себе, и их легко можно смутить» [Лучшие библиотечные программы... с. 155-156]. И опыт показал важность этого для наших читателей: некоторые школьники и студенты действительно не захотели проходить весь квест, сосредоточившись на заполнении «Пушкинского альбома», а для ответа на вопросы видеовикторины многие обратились за помощью к библиотекарям.

Отметим, что при организации квеста сотрудники библиотеки постарались продумать каждый его элемент. Так, главным предметом «Пушкинской фотозоны» в отделе редкой книги выступал подлинный столик первой трети XIX в. На нем лежали книги, которые были в личной библиотеке Пушкина: «Летописец Руской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича» (СПб., 1792), «Сочинения Карамзина» (М., 1820), «Илиада Гомера, переведенная Н. Гнедичем» (СПб., 1829) и др. Здесь же находились копии автографов Пушкина и гусиное перо с портретом поэта. Фотозона неизменно привлекала внимание посетителей, причем многие фотографировали именно ее, а не себя на этом фоне.

Особо стоит остановиться на «Пушкинском альбоме». Его заглавие сотрудники выполнили чернилами, подражая почерку поэта. Рядом находилось пояснение, где кратко сообщалось о популярности дружеских альбомов в ту эпоху и предлагалось оставить запись или рисунок. Оказалось, что чаще всего писали строки из вступления к поэме «Руслан и Людмила», рисовали знаменитый дуб у Лукоморья и Кота ученого (и в стиле анимэ), воспроизводили фрагменты поэмы

«Медный всадник» («Люблю тебя, Петра творенье...»), романа «Евгений Онегин» («Я к вам пишу – чего же боле?»), строки из стихотворений: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», «Я помню чудное мгновенье», «Я вас любил», «Я пережил свои желанья», «Мороз и солнце; день чудесный!» Были также изображены Золотой петушок, битва Руслана с богатырской головой, незарастающая народная тропа и профиль поэта.

Самыми трогательными стали короткие записи «Пушкин ты хороший и красивый!» и «Пушкин я тебя люблю!» (здесь и далее сохраняем стиль, орфографию и пунктуацию авторов. – С.В.). Однако были и развернутые обращения к поэту:

«Любим и читаем твои рассказы очень интересно твои стихи вдохновляют».

«Вы очень классный и так жаль то что вы ушли из жизни».

«Мне нравится как Пушкин писал стихи и сказки у него есть юмор я прочитала много книг мне нравится Пушкин жалко что его щас нет я бы хотела увидеть его своими глазами».

«Спасибо Александру Сергеевичу за творчество и вклад».

«Мне очень понравилось стихотворение “Зимнее утро”. Хочу чтобы эта библиотека выдовала этот стих отдельно в книжках с иллюстрациями. Мне нравится Пушкин и его стихи и поэмы»

«Пушкин мой любимый автор. Мне нравятся все его сказки».

«Я знаю письмо Татьяны наизусть!»

«Пушкин – замечательный писатель. Читая его я все время думаю».

«Строки из романа “Евгений Онегин” периодически всплывают у меня в голове в разные моменты жизни».

«Пушкин forever».

Студенты отнеслись к этому заданию более серьезно: они воспроизвели фрагмент письма Пушкина к жене от 11 ноября 1833 г. и добавили собственные рассуждения о бессмертии Пушкина: «Постарался сохранить в вечности конечное сознание человека. Это его самое выдающееся качество».

Альбом сохранил и добрые пожелания библиотеке: «Я бы хотела начать с того, чтобы пожелать нашему университету, его библиотеке процветания. Чтоб никогда не уменьшался интерес к книгам, чтобы студенты и не только продолжали любить эту “книжную” атмосферу. Конечно, в XXI веке люди предпочитают электронные книги. Но ведь ничего не сможет заменить атмосферу библиотеки! Я люблю поэзию, особенно Серебряного века, конечно, Пушкина тоже. Мы знаем его с детства. Всех с праздником!» Можно предположить, что подобную читательскую активность обусловило и отсутствие каких-либо ограничений для желающих высказаться на темы пушкинского творчества.

При разработке викторины были подготовлены два варианта: для школьной и более старшей группы участников – разного уровня сложности – по принципу игры с предложенными ответами. Среди них участники должны были выбрать правильные. Викторина для младшей возрастной группы была основана на знании произведений Пушкина, для старшей – на его биографии.

Квест «Пушкинский маршрут» оказался интересен читателям. Причем первой по маршруту 6 июня прошла Пэн Тэн, приехавшая из Пекина на стажировку в Институт педагогики РГПУ им. А.И. Герцена. Кстати, в «Пушкинский альбом» она вписала стихотворение «Если жизнь тебя обманет».

Некоторые маленькие посетители проходили маршрут вместе с родителями, что понравилось и детям, и взрослым. Маршрут посетили школьники, отдыхающие в летних городских лагерях, а также группа студентов Института педагогики под руководством доцента кафедры теории и истории педагогики Натальи Викторовны Смирновой. Для них этот квест был не только увлекателен своей игровой стороной, но и весьма полезен с методической точки зрения.

Учитывая такой интерес посетителей, сотрудники библиотеки решили продлить время действия «Пушкинского маршрута» до конца 2019 г. Особенно он оказался востребован первокурсниками РГПУ им. А.И. Герцена, которые записывались в Фундаментальную библиотеку в сентябре 2019 г. Он был неизменно популярен у гостей университета, посещавших библиотеку в составе официальных делегаций или самостоятельно. Например, вьетнамский переводчик Нгуен Куок Хунг написал в альбом перевод на вьетнамский язык стихотворения «Я думал, сердце позабыло...».

Полученный опыт показал, насколько важен современным читателям образ поэта, востребованы его произведения. В первую очередь это было видно по живому отклику, рождавшемуся при имени Пушкина. Несмотря на то, что реакция юных и молодых посетителей порой была спонтанной и не всегда продуманной, но она же представляла искренней, горячей, нешаблонной, и это, несомненно, самое ценное! Ребята искренне хотели высказаться и выразить свое отношение к великому поэту, проверить себя на знание биографии и произведений Пушкина. На наш взгляд, библиотека сумела вызвать личный интерес участников к этому событию, добраться до той самой «сердцевины библиотечного диалога», о чем мы постоянно говорим.

Сравнивая два подхода (тот, давний, и современный) к продвижению чтения через организацию мероприятий, посвященных юбилейным и памятным датам, можно сделать несколько выводов. Например, очевидна тенденция к отказу от жестко структурированных форм, которые требуют значительной подготовки заранее определенного коллектива участников, не всегда учитывают психологические особенности возрастных групп, строго делят их на участников и зрителей. А теперь организаторы отдают предпочтение гибким формам работы, когда возможно не столько массовое, сколько индивидуальное участие в мероприятии зрителя или участника (при этом важно, чтобы последний мог сам определять меру своей активности). Вместе с тем очень важна установка на возможный творческий подход участника, на выражение именно его отношения к образу и наследию выдающегося деятеля культуры. Однако такие перемены несколько не уменьшают значимость предварительной подготовки мероприятий со стороны организаторов.

Анализ этих тенденций с учетом новой реальности – эпидемиологической ситуации – дает возможность прогнозировать еще большую гибкость библиотечной деятельности при организации различных мероприятий по продвижению чтения, при адаптации разных форм и способов проявления творческой активности читателей. В настоящее время важно не только разработать формы работы, отвечающие запросам посетителей библиотеки, но и приспособить подобные формы для удаленных пользователей. И это уже не будущее, а наше настоящее. Современной библиотеке необходимо подстраиваться под различные читательские запросы, осваивать всё новые форматы проведения мероприятий, не забывая при этом о сохранении в любом формате их высокого качества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Луначарская С.Н. Юбилей Пушкина в школе / С.Н. Луначарская. – М.: Учпедгиз, 1936. – 168 с.
- Лучшие библиотечные программы с низким бюджетом для молодежи, подростков, детей: практическое пособие / Ред.-сост. Дж. Лиллиан; пер. с англ. М. В. Алексеевой; науч. ред. и предисл. И. Б. Михновой. – СПб.: Профессия, 2015. – 176 с.
- Матлина С.Г. Библиотечное пространство: воображаемый образ и реальность / С.Г. Матлина. – М.: Библиомир, 2015. – 232 с.
- Помощь школе в организации Пушкинских вечеров. – Курск: Изд. сектора средней школы Курского ОблОНО, 1936. – 16 с.
- Поощряем чтение, формируем информационную грамотность. 100 форм работы по продвижению чтения и не только. Словарь-справочник для библиотекаря / Сост. В. Б. Антипова. – М.: Библиомир, 2015. – 176 с.
- Программы школьных кружков и вечеров (Из брошюры С. Липеровской «Пушкин в школе», изд. НКП, 1936 года). – Горький: Горьковский ОБЛОНО, 1936. – 16 с.

Ю. Р. Лаврушина⁹

РАЗРАБОТКА ЭКСКУРСИОННОГО МАРШРУТА ПО ЦЕНТРУ ПЕТЕРБУРГА «ГОРОД ПУШКИНА И ГОГОЛЯ: ДИАЛОГИ АВТОРОВ И ГЕРОЕВ»

Статья посвящена работе с гоголевскими сюжетами в процессе экскурсии. Освещаются сложности разговора о Гоголе с молодым поколением петербуржцев. Намечаются новые пути создания экскурсионных маршрутов о Гоголе с учётом современного контекста мероприятий.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, творчество Пушкина и Гоголя, экскурсия, краеведение.

Lavrushina Yu.R.

DEVELOPMENT OF AN EXCURSION ROUTE IN THE CENTER OF PETERSBURG «THE CITY OF PUSHKIN AND GOGOL: DIALOGUES OF AUTHORS AND HEROES»

The article is a reflection on the problems of guide work on the Gogol's art in St.-Petersburg. The author tells us about the finding of new formats and new language in the narration about classic meanings of Gogol's work connected with St.-Petersburg. The new ways of talking about Gogol are found.

Keywords: St.-Petersburg, creative of Pushkin and Gogol', guided tour, local history.

⁹ Лаврушина Юлия Рудольфовна – специалист по библиотечно-выставочной и досуговой деятельности библиотеки имени Гоголя, независимый исследователь, экскурсовод; lavyou@mail.ru.

Санкт-Петербург – город литературный, тысячи раз отраженный в классической и современной литературе, с ним так или иначе связаны жизнь и творчество великих, известных (и не совсем) русских писателей. Здесь, в северной столице, можно разработать и успешно проводить сотни экскурсий, связанных с этими книгами, их авторами, рассчитанные на любой вкус и на любой возраст. Естественно, основной целевой аудиторией, на которую ориентируются методисты и сами экскурсоводы, будут взрослые и школьники, начиная со средних классов. Подобные маршруты легко адаптируются под конкретные запросы индивидуальных заказчиков и даже больших групп, они постоянно востребованы, и каждый уважающий себя экскурсовод всегда имеет в запасе хотя бы одну литературную экскурсию. Вкусы и требования изменяются со временем, потому наряду с классическими путешествиями по пушкинским местам (в различных вариантах и разных названий), с «Петербургом Достоевского», «Маршрутом Раскольникова» и всем тем, что напрямую связано со школьной программой, появляются экскурсии «Поэты Серебряного века», «Город Бродского / Довлатова», «Расстрелянная муза» (о репрессиях 1930-1940-х годов), «Ленинград-Петербург в рок-поэзии», «Ленинград самиздатовский» и многие другие.

В этом пёстром вихре предложений можно растеряться: ведь отвечая на запросы потребителей, специалисты и любители разрабатывают всё новые и новые оригинальные варианты... Однако на этом фоне как-то неловко выглядит ситуация с экскурсиями, которые так или иначе связаны с Николаем Васильевичем Гоголем. Великий писатель в общей сложности провёл в Петербурге около 6 лет, именно тогда он сформировался как личность и сложился его творческий стиль, здесь были опубликованы его гениальные произведения, а на сцене Александринского театра впервые представлена комедия «Ревизор». Сохранились дома, где он жил, есть памятники, которые можно продемонстрировать, и места, связанные с литературными героями. Но, к сожалению, гоголевская тематика в последние годы практически не разрабатывается.

Можно предположить, что подобная ситуация во многом обусловлена тем, что взрослые практически не перечитывают гоголевские циклы и сохранили смутные воспоминания об их изучении в школе. В основном припоминают только названия петербургских повестей «Нос», «Шинель», «Невский проспект»... считая самого Гоголя «скучным, надоевшим» и вообще «несовременным». Вопрос о том, как может надоесть то, чего толком не помнишь, следует оставить для других случаев, но, тем не менее, факт остаётся фактом: не интересуются, не перечитывают, а некоторые и не читали вовсе. Что касается школьников, которых раз в год «по случаю» приводят на пешеходное путешествие целым классом или даже двумя, то здесь всё ещё более сложно, поскольку учащиеся средних классов в массе своей не готовы к подобной прогулке ни по своей литературной подготовке, ни по особенностям возрастного восприятия. Восьмиклассники-девятоклассники, которых привели с благой целью «изучать Гоголя», также не горят энтузиазмом.

Классическая экскурсия предполагает показ не менее пяти объектов и подробный рассказ о них экскурсовода. Материала для подготовки, при умелой подаче, более чем достаточно. Однако предложений от турфирм в Интернете, где теперь находят львиную долю информации, совсем чуть-чуть, не более десятка, хотя, согласно опросам, Гоголь – среди тех писателей, которых чаще всего вспоминают в связи с Петербургом.

Рассмотрим два варианта из предлагаемого списка экскурсий:

1) «Адреса Гоголя в Петербурге», чья тематика и содержание предопределены названием. Этот пешеходный маршрут можно пройти за час – все дома находятся в шаговой доступности: Гороховая улица, 46; Казанская улица, 39; набережная канала Грибоедова, 69; Малая Морская улица, 17.

2) Прогулка по «Пути героев Гоголя в Петербурге» займёт немногим больше, примерно полтора часа. Это Малая Конюшенная улица, где находится памятник Гоголю; Невский проспект, 38 и 47; Александринский театр на площади Островского, 6; памятник Носу на доме 36 по Вознесенскому проспекту.

Те же маршруты можно обнаружить в списке рекомендованных для самостоятельного посещения, при этом в бесплатной версии описания, которой предложено руководствоваться посетителям, описание каждого объекта ограничивается двумя-тремя предложениями: вот здесь писатель жил в такой-то период, написал такие-то произведения. Текст платной экскурсии, как выяснилось, отличается тем же лаконизмом и сухостью.

Все экскурсии и проспекты самостоятельных прогулок предлагают только пешеходный вариант. Это закономерно: абсолютно всё, что предстоит показать на «гоголевских» маршрутах, находится в центре города, и это порождает массу сложностей, особенно если предстоит иметь дело с детьми, приехавшими на большом автобусе. Полтора часа гулять по довольно узким улицам готовы не все, существует масса отвлекающих моментов, да и остановиться для подробного рассказа часто

негде. С учётом транспортной ситуации в будний день подобное путешествие занимает куда больше трёх часов, которые обычно отводятся школьной экскурсии. Причем дорога до центра отнимает половину ее времени, а кружение по узким улицам, где припарковаться трудно либо вообще запрещено, почти полностью лишает смысла подобную поездку и ее пешеходное продолжение.

Это только одна часть трудностей. Нежелание делать полноценный маршрут, посвящённый великому русскому писателю Н.В. Гоголю, predetermined и тем, что в городе нет посвящённого ему музея. Невозможно также свободно зайти во дворы, в парадные, и всё это значительно снижает заинтересованность: не всем хочется просто смотреть на дома и мемориальные таблички.

Есть и ещё одно обстоятельство, менее явное, но вызывающее досаду у тех, кто всерьёз занимается разработкой литературных экскурсионных маршрутов. Появилось огромное количество фирм и отдельных энтузиастов-любителей, которые не без успеха конкурируют с профессионалами, проводя экскурсии бесплатно либо за добровольные пожертвования. И они-то подают материал максимально неформально, с блеском в глазах, выбирая интересные и/или необычные факты. Всё бы хорошо, но любители зачастую не имеют понятия о том, как должна быть организована экскурсия, не осведомлены о необходимости соблюдать правила безопасности, а сообщаемая информация зачастую содержит много выдумки, того, что называется внеисторичной «отсебятиной», и незнания как произведений Н.В. Гоголя, так и фактов его биографии. Например, перечисляя адреса писателя, чаще всего сбиваются на «мистику Петербурга», возле Сенной площади начинают рассказывать о творчестве Ф.М. Достоевского и разгуле преступности в 1860-1870-х годах. Но когда в начале 1830-х годов Гоголь жил поблизости, этот район был вполне приличным деловым и торговым. И в отличие от любителей профессиональные экскурсоводы не позволяют себе сообщать о том, чего не было.

Однако нельзя отрицать, что существует «Петербург Гоголя», и он занимает важное место в контексте как «литературного Петербурга», так и Санкт-Петербурга – города богатейшей и своеобразной истории. Необходим интересный и в то же время грамотно составленный маршрут, посвящённый творчеству писателя в северной столице и его именно «петербургским» персонажам. Написать удачный текст и создать хороший экскурсионный продукт вполне реально, особенно при наличии харизматичного ведущего и возможности театрализации. Свидетельство – успех подобной экскурсии популярного актёра Сергея Безрукова и прогулка-феерия «Гоголь в Петербурге. Ночь».

Как вариант для популяризации гоголевского творчества возможно совместить две темы: известную, популярную пушкинскую и менее востребованную гоголевскую. Ведь двух гениев русской литературы, при всей разнице характеров, многое связывало. Свое отношение к Пушкину сам писатель характеризовал в письме М.П. Погодину (от 30 марта 1837 г. из Рима): «Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина. Ничто мне были все толки, я плевал на презренную чернь, известную под именем публики; мне дорого было его вечное и непреложное слово. Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Всё, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему»¹⁰. — Можно развить тему: целенаправленно выбрать места, где оба бывали, адреса общих друзей и прочее. А для маршрута, который условно можно назвать «Город Пушкина и Гоголя: диалог авторов и героев», вполне реально разработать несколько концепций пешеходной прогулки с экскурсантами самых разных поколений.

Так, если в школе изучают цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831-1832), то можно отправиться именно в тот город, который поразил сельского жителя, посмотреть «глазами кузнеца Вакулы», а параллельно дать портрет «парадного» Санкт-Петербурга, которым так восхищался Пушкин. Обязательным местом подобной прогулки должна стать Дворцовая набережная от Мраморного до Зимнего дворца. Её можно организовать и с элементами театрализации, и с элементами квеста, чтобы участники сами выяснили, в каких произведениях Пушкина и Гоголя (и не только) описаны здания, которые они видят перед собой.

При изучении повести «Шинель» (1841) следует говорить не только о гоголевском Акакии Акакиевиче Башмачкине, но и упомянуть пушкинского Евгения из поэмы «Медный всадник». Тема «Маленький человек в большом мире» оживит программу для подростков, раскроет своеобразное очарование района Старой Коломны.

Для старшего школьного возраста и взрослых подойдёт вариант «Баловень судьбы, или Вечный клерк», посвящённый началу самостоятельной жизни в Петербурге и Пушкина, и Гоголя. Очень интересно сопоставить факты и выяснить, каковы были возможности, открывавшиеся перед выпускником Царскосельского Лицея и выпускником Нежинской гимназии. Оба стремились принести пользу обществу – и что в результате достигли? Нашим героям было по девятнадцать, и

¹⁰ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. – Т. 11. Письма, 1836–1841. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 91.

потому подобная экскурсия должна быть адресована, в первую очередь, студенчеству и тем, для кого восприятие творчества Гоголя уже является осознанным.

Завершая размышления о возможном создании подобного маршрута, хочу поделиться идеей для организации полноценного «дня с Гоголем». Действительно, у нас пока нет гоголевского музея. Но существует интересное мультимедийное пространство в нашей библиотеке на Среднеохтинском проспекте, 8, которая носит имя Гоголя. Здесь можно «заглянуть в прошлое» с помощью интерактивной карты, посмотреть на ценные и уникальные издания книг писателя, а также увидеть интерьерный видеомэпнинг «Тревожные сны Николая Гоголя», основанный на сюжетах «Петербургских повестей».

*М. С. Андреева*¹¹

МЕТОДИКА ПРОДВИЖЕНИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПУШКИНА И ГОГОЛЯ СРЕДИ МОЛОДЁЖИ

Статья посвящена особенностям молодежной аудитории в общедоступных библиотеках, а также необходимости сохранения и продвижения той части национального культурного наследия, каким является русская классическая литература. Приведен обзор проектной деятельности библиотек по продвижению наследия Пушкина и Гоголя за последние годы, названы основные закономерности и тенденции знакомства молодежи с классикой, сформулированы рекомендации для общедоступных библиотек по этому направлению. Предложен проект библиотечных мероприятий, посвящённых жизни и творчеству А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: творческое наследие, целевая аудитория, общедоступные библиотеки, продвижение русской классической литературы, проектная деятельность.

Andreyanova M.S.

METHODOLOGY FOR PROMOTING THE CREATIVE HERITAGE OF PUSHKIN AND GOGOL' AMONG YOUNG PEOPLE

The article is devoted to the peculiarities of the youth audience of public libraries, as well as the need to preserve and promote that part of the national cultural heritage, which is Russian classical literature. An overview of the project activities of libraries to promote the legacy of Pushkin and Gogol' in recent years is given, the main regularities and trends in the acquaintance of young people with the classics are named, and recommendations are formulated for public libraries in this area. A project of library events dedicated to the life and work of A.S. Pushkin and N.V. Gogol.

Keywords: creative heritage, target audience, public libraries, promotion of Russian classical literature, project activities.

Продвижение творческого наследия классиков русской литературы – один из приоритетов деятельности для общедоступных библиотек Санкт-Петербурга. И это направление активно развивается и трансформируется с учётом вызовов времени: ведь перед любой библиотекой стоит вопрос, **как** привлечь молодёжь к чтению нашего классического наследия?

Приведем краткую характеристику данной читательской категории. По мнению доцента кафедры социальной психологии Южного Федерального университета В.Я. Суртаева, молодёжь – это социально-возрастная группа молодых людей (иногда до 30 лет), у которых в целом уже сформирована личность, хотя она сложилась под влиянием различных факторов, а потому их этические установки могут достаточно легко меняться, ибо их жизненный опыт ограничен и зачастую окончательно не определены представления о морально-этических ценностях¹².

Общепризнано, что наиболее активно библиотеки привлекают к участию в своей деятельности именно молодёжь. Она более склонна принимать участие в мероприятиях, чья тематика

¹¹ Андреева Мария Александровна – библиотекарь II категории библиотеки им. А.С. Грибоедова МЦБС им. М.Ю. Лермонтова, магистр библиотечно-информационного факультета СПбГИК; andreyanovam@inbox.ru.

¹² Цит. по изд.: Загребин В.В. Подходы к определению категории «молодёжь» // Концепт. – 2014. – № 2 (февраль). – ART 14030. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14030.htm>.

соответствует её интересам (современные молодежные движения, гендерная проблематика, компьютерные технологии, научная фантастика и фэнтези, научно-популярные направления и т.п.). Но, к сожалению, современную молодёжь достаточно сложно вовлечь в мероприятия, связанные с русской классической литературой. Это обусловлено:

- стереотипным мнением о некой «старомодности» русской классической литературы;
- негативными установками на трудность ее чтения, обусловленные ее некачественным преподаванием в школе;
- определенной семантической «избыточностью» ее произведений (сложностью и нестандартностью языка, сюжетов, образов героев);
- увлечением более простыми для восприятия литературными жанрами, отличающимися от классических.

Нам представляется возможным продвижение творческого наследия А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя среди молодёжи при помощи интерактивных технологий и социальных сетей. Ведь для произведений русской классической литературы характерно обращение к вневременным вечным темам и проблемам, актуальным для современных молодых людей: одиночество, любовные переживания, дружба, честность, гражданственность, служение Отечеству и др.

В период пандемии коронавируса библиотеки активизировали деятельность в социальных сетях, и это заслуживает особого внимания. Ведь сети особенно привлекают молодёжь, а потому могут стать перспективной площадкой в продвижении творчества Пушкина и Гоголя. Вместе с тем, работая в социальных сетях, желательно выполнять следующие рекомендации:

- 1) предлагать пользователю разнообразный по форме и наполнению контент – не только книги, но и аудиотексты, и видеоматериалы;
- 2) посты должны быть регулярными, не слишком частыми, но и не очень редкими;
- 3) наполнение контента должно быть ориентировано на разные группы пользователей, чтобы охватить значительную часть целевой аудитории.

Для более эффективного вовлечения молодёжи в досуговое чтение произведений Пушкина и Гоголя необходимо применять **интерактивные формы**: экскурсии, онлайн-викторины, квиззбуки, конкурс буктрейлеров... Вот, например, проекты двух таких мероприятий.

Виртуальная экскурсия «Гоголь в Санкт-Петербурге» познакомит с ключевыми эпизодами жизни и творчества великого писателя в северной столице. При этом могут использоваться QR-коды, размещенные на зданиях, где он жил или бывал. При переходе на QR-код смартфон экскурсанта даст конкретную информацию об истории объекта, времени проживания, службы или пребывания здесь писателя, о том, какие произведения были тогда им созданы, связанные с этим интересные факты и т.п.

Квиззбук «Благородный разбойник» посвящён повести А.С. Пушкина «Дубровский». В основе квиззбука – вопросы о том, когда и как создавалось произведение, о пушкинской эпохе, о друзьях и современниках великого поэта. Большая часть вопросов должна быть по содержанию повести, истории ее создания, другая часть связана с использованием логического мышления участников, которые могут действовать самостоятельно или объединиться в команды.

В ходе проведения мероприятий, связанных с продвижением творческого наследия Пушкина и Гоголя, возможно достижение следующих результатов:

- расширение познаний молодёжи о биографии этих великих писателей, о местах в Санкт-Петербурге, связанных с их жизнью и творчеством, с героями и сюжетами их произведений;
- развитие интереса молодёжи к русской классической литературе;
- увеличение книговыдачи общедоступных библиотек;
- коррекция негативного мнения о «старомодности» русской классической литературы.

Продвижение классического наследия в общедоступной библиотеке требует определённой методики, которая должна учитывать многие факторы общественной жизни. Необходимо активно вовлекать в библиотечные мероприятия молодых людей и как зрителей, и – особенно – как волонтеров с помощью современных интерактивных технологий. Нами были даны следующие рекомендации по осуществлению данного вида деятельности:

1. Активная реклама мероприятий в стенах заведений среднего и высшего образования.
2. Организация мероприятий на актуальные для молодёжи темы.
3. Привлечение молодых перспективных исследователей как спикеров и консультантов мероприятий.
4. Осуществление социального партнёрства со спонсорами (магазины комиксов, книжные магазины и проч.).

Таким образом, продвижение творческого наследия классиков русской литературы – одно из приоритетных направлений в деятельности общедоступных библиотек Санкт-Петербурга, где следует применять игровые, проектные и научные методы. Огромными преимуществами продвижения наследия А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя являются злободневность и актуальность их произведений, а также, в большинстве своём, доступность языка, на котором они написаны.

Е. И. Малахова¹³

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГОГОЛЕВСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В РАБОТАХ СЕРГЕЯ ЛЮБАЕВА

С. В. Любаев – мастер, переплавляющий слово в зримые образы, – создает книгу от начала до конца: макет, иллюстрации, шрифты и т.д. Интересны его интерпретации гоголевских произведений, использованные при этом оригинальные технические и художественно-выразительные средства. В его работах мир людей содержит черты животных, растений и предметов... Оформление текста вдохновляется лубком, и эти приемы помогают автору подчеркнуть то сказочность, то эпичность изображаемого.

Ключевые слова: художник Любаев, книжная графика, произведения Н.В. Гоголя, иллюстрация как художественная интерпретация текста.

Malakhova E.I.

INTERPRETATION OF GOGOL'S WORKS IN THE WORKS OF SERGEY LYUBAEV

S. V. Lyubaev – a master, who melts words into visible images, – creates a book from beginning to end: layout, illustrations, fonts, etc. His interpretations of Gogol's works are interesting, along with the original technical and artistic means used. In his works, the world of people contains features of animals, plants and objects ... The design of the text is inspired by popular prints, and these techniques help the author to emphasize either the fabulousness or the epic character of the depicted.

Keywords: artist Lyubaev, book graphics, works of N. V. Gogol, illustration as an artistic interpretation of the text.

Каждое новое поколение по-своему читает классические произведения, старается интерпретировать их в рамках эпохи и своего миропонимания. Всё это, конечно, касается и художественного оформления текстов. Теперь есть возможность выбирать то, что по вкусу, из множества книжных изданий. Но, к сожалению, большой выбор не всегда означает качественную работу. К тому же для новых поколений классика с каждым годом становится все непонятнее, так как эпохи, когда она создавалась, отходят все дальше. В подобной ситуации особенно важен внимательный, вдумчивый взгляд художника, который поможет читателю воспринимать классическое произведение. И книжная графика представляет нам удивительное сотворчество писателя с художником, который одновременно выступает в роли и читателя, и творца.

Современный российский художник Сергей Викторович Любаев иллюстрирует литературные шедевры и создает при этом цельный образ книги: ее конструкцию, шрифты, изобразительный ряд... Он уже успел поработать с многочисленными российскими и зарубежными издательствами, оформить книги самых разных авторов. Среди них заметное место занимают произведения Н. В. Гоголя.

Так, в 2004 г. вышло новое издание повести «Записки сумасшедшего», от начала до конца разработанное Любаевым. Оформлением стал искусно собранный коллаж, многомерной и разнофактурной структурой передающий хаотичное содержание повести. В 2010 г., при сотрудничестве художника с издательством «Арбор», появились еще две книги: «Ночь перед Рождеством» и «Три повести» («Старосветские помещики», «Вий», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). Иллюстрации к повести «Ночь перед Рождеством» ярко отобрали атмосферу ожидаемого Рождества, а фоном для этого стало темное ночное небо в контрасте с белым снегом. Для «Трех повестей» Любаев создал не только иллюстрации, но и весь макет книги, что позволяет говорить о ней как наиболее полном воплощении замысла художника и его видения произведений Гоголя. В 2013 г. для подарочной серии «Шедевры в историческом

¹³ Малахова Екатерина Игоревна – научный работник московского «Дома Гоголя – мемориального музея и научной библиотеки»; cumtympano@gmail.com.

контексте» изд-ва «Арбор» вышел весь сборник «Миргород» с новыми иллюстрациями Любаева. А 2018 г. ознаменован изданием двух книг: изд-во «Нигма» выпустило те же «Три повести» из сборника «Миргород», используя иллюстрации мастера¹⁴, и отдельно – полностью оформленную им повесть «Тарас Бульба».

Приведенный обзор позволяет прийти к выводу, что чаще всего Любаев обращался к сборнику «Миргород». На примере изданий, проработанных художником от начала до конца, можно узнать, в чем он видит особенности гоголевских произведений. В одном интервью он описал свой замысел так: «Состав книги – светлая, сдобренная лирическим юмором, печаль – “Старосветские помещики”, народный сказочно-эпический ужас – “Вий”, едкая, ядовитая сатира – “Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”. “Вий” должен быть посредине двух смеховых моделей – как сало между белым и чёрным хлебом» [Любаев, 2013, с. 25].

Причем и «Старосветские помещики», и «Повесть о том...» оформлены в одном стиле: следуя за автором, художник воссоздает жизнь героев не в их действиях, а бытовыми деталями. На иллюстрациях – уютные виды, мелочи быта и персонажи, застигнутые «врасплох» за своим повседневным: чаепитием, отдыхом, поеданием арбуза и т.п. Интересны выбранные ракурсы, где герои показаны со спины, через дверные проемы, в отражениях зеркал, сквозь заросли травы, – они там живут. Нет ощущения «надуманности» композиции: это сама жизнь как таковая. При этом иллюстрации исполнены в технике, которая не терпит ошибок и не допускает исправлений. Это рисунок литографским карандашом на окрашенной в массу бумаге. Он показывает очертания объектов и несколькими линиями намечает подробности, оставляя читателю как зрителю возможность что-нибудь домыслить от себя. Сами изображения достаточно плоскостные, но в то же время напоминают быстрые наброски с натуры. И художник действительно использовал в работе с повестями свои натурные зарисовки на родине Гоголя. Некоторые из иллюстраций, по его словам, точно повторяют такие наброски¹⁵.

В оформлении «Повести о том...» есть свои особенности. Так, прошения в поветовый суд напечатаны крупным шрифтом с использованием дореволюционной орфографии, а тем самым подчеркнута самостоятельность документа как ценной подробности той эпохи. Здесь иллюстрацией выступает как бы само слово. Вторая особенность в том, что ближе к завершению текста в рисунках начинает преобладать серенький колорит, обозначая печальный конец: «Скучно на этом свете, господа!»

Кроме того, каждая страница двух повестей дополнена не только рисунками, но и реальными фотографиями над номерами страниц: тыквенные семечки, веточки вишни, косточки фруктов, горошинки, соцветия, листочки, ягоды, арбузные корки, бабочки, мухи и т.д. – вся «органика» произведения. И потому читатель воспринимает такие элементы как часть рисунка, которая не вызывает диссонанса своим контрастом с фактурой изображения. Таким образом создается «передний план» действия, способствуя постепенному вхождению зрителя в пространство повести, от реальности – к рисунку. Этим способом художник хотел показать тот «дряг», который окружает гоголевских героев, наполняет их мир¹⁶.

Между «Старосветскими помещиками» и «Повестью о том...» помещена повесть «Вий». Любаев отмечает: «Чтобы сильней отличаться, “Вий” задумывался как “книга в книге”. Он монохромен, лубочен, груб изобразительным языком, наконец, набран в старой русской орфографии крупным шрифтом. Он как страшная сказка, рассказанная ночью. Весь этот “мирок” сопровождает жизнь миргородских обывателей, неразрывен с ним. Только “Вий” свободен от предметного плана – он обложен им» [Любаев, 2013, с. 25].

Основное выразительное средство оформления повести – цветовой контраст. Белая бумага сияет сквозь черные буквы и иллюстрации. В отличие от «документов эпохи» в «Повести о том...», здесь уже весь текст набран крупным шрифтом в дореволюционной орфографии, и это тоже один из художественных приемов.

Лубочность (о ней говорил художник) заметна в пластике изображаемых фигур – угловатых, кажущихся совсем простыми и безыскусными. Как на лубочных картинках, у многих иллюстраций отдельная рисованная рама, создающая впечатление дополнительной преграды, какого не было при оформлении других повестей. В изобразительном ряду «Вия» есть образ-лейтмотив, «преследующий» читателя до последней страницы, – это колючий чертополох. Мастер играет

¹⁴ В 2019 г. иллюстрации к этой книге были отмечены дипломом лауреата на ежегодном международном конкурсе «Образ книги» в номинации «Лучшие иллюстрации к произведениям художественной литературы».

¹⁵ Из личной беседы с С.В. Любаевым.

¹⁶ Из личной беседы с С.В. Любаевым.

масштабами: то бурсаки идут не по дороге, а по огромному стеблю чертополоха, то человек вдруг становится мал, как насекомое, а растение – велико, как храм. Персонажи движутся во всех направлениях и по горизонтали, и по вертикали. Изображаемый художником мир как бы рассыпается на части. Подобные искажения дают понять читателю, что все происходящее – фантастический сон.

Однако, работая над оформлением повести, художник опирался и на опыт своих натуральных зарисовок: «Во время рисования “Вия” пришлось побывать в местах под Киевом, у Днепра примерно в местах мытарств Хомы Брута. Эту “натуральность” невозможно высосать из пальца. Типажи тоже приходили из жизни...» [Любаев, 2013, с. 25]. И это стремление правдиво показать натуру основано на словах самого Гоголя: «Все должно быть взято из жизни, а не придумано досузей фантазией» [Вересаев, 1933, с. 408].

Повесть «Тарас Бульба» – самая большая в сборнике «Миргород». Для передачи атмосферы товарищества Сечи Любаев вновь обращается к эстетике лубка, использует его приемы. Обложка книги 2018 г. – Тарас на коне – отсылает нас к образам всадников с народных картинок. В основном это персонажи, имеющие, по народным представлениям, богатырскую природу: Еруслан Лазаревич, Илья Муромец, Алеша Попович, Король Гвидон, Александр Македонский... [см.: Балдина, 1972, с. 60-65]. Образы Гоголя способствуют такому выбору: ведь казачество у него наделено сказочной богатырской силой. Выбранный шрифт (наряду с пояснительным текстом, «встроенным» в композицию иллюстрации) отсылает к лубочной стилистике [Соколов, 1999, с. 99]. По цвету оформление книги максимально лаконично, даже аскетично – черное, белое, красное, золотое. Эти же цвета отмечал Андрей Белый в книге «Мастерство Гоголя» как чаще всего (за исключением белого – процент его невелик) упомянутые автором [Белый, 1934, с. 144]. Интересно, что здесь выбор мастера был, скорее, интуитивным¹⁷. Благодаря такому колориту, иллюстрации весьма контрастны, что создает дополнительное напряжение и передает тревожное настроение повести.

Работая над ней, художник вновь выбирает ракурсы, сразу же захватывающие внимание читателя как зрителя. Сильно приближены лица, спины – в итоге, вы оказываетесь в гуще событий. Часто герои изображены несколько снизу, и этим очередной раз подчеркнута их былинная, богатырская природа. Читатель как зритель то включается в действие, то остается скромным наблюдателем. Например, во время путешествия Тараса и его сыновей по степи они изображены сквозь заросли травы, однако передний план занят птицей, и благодаря этому ракурсу, происходящее показано как бы с ее точки зрения. На иллюстрации «Смерть Андрия» удаляющаяся фигура отца показана с точки, где остается его мертвый сын. Видны только ноги убитого, и тем самым создается впечатление, что происходящее показывает сам автор: совершив свой страшный выбор, Тарас уходит, и его одинокая сгорбленная фигура четко прорисовывается на фоне черного неба. Таким образом художник передает весь ужас сыноубийства. Он не боится создавать образы, которые по-настоящему пугают и даже отталкивают, и это воздействие обычно усилено цветом. Ведь изображенные в повести события, действительно, не терпят полутонов.

Напряжение от иллюстраций, занимающих целые страницы, а иногда и развороты, снимают изображения на полях текста. Они, подобно дролери¹⁸ в средневековых манускриптах, как бы ведут свое отдельное существование. Но у Любаева оформление всегда тесно связано с сюжетом, продолжая его и поясняя. Художник даже не обходит вниманием упомянутые в повести, часто вскользь, имена запорожцев – и названные казаки обретают свои характерные черты. Целая «галерея» их портретов помещена на отдельном развороте.

В оформлении повести «Тарас Бульба» мастер использовал прорисовку по предварительно подготовленной основе, покрытой темперой. Эта техника местами создает интересный эффект «процарапывания» по жесткой основе. И такое «противостояние» основы и краски – еще одно удачно выбранное выразительное средство для того, чтобы передать содержание.

Подводя итоги краткого обзора созданных Любаевым иллюстраций к гоголевским повестям и оформления книг в целом, стоит сказать, что одна из задач, которую он ставил и ставит перед собой – увидеть хорошо знакомые всем произведения по-новому и сказать об этом на художническом языке. Ведь существует немало прекрасных иллюстраций к гоголевским произведениям, признанных знатоками и многими читателями, тем сложнее увидеть описанные события как бы впервые или заново. Любаев тоже испытал воздействие классических образцов книжной иллюстрации: вспоминая

¹⁷ Из личной беседы с С.В. Любаевым.

¹⁸ Дролери – гротескные фигуры назидательного, комического или жанрового характера, помещенные средневековыми художниками-миниатюристами на завитках орнамента, вынесенного за поля текста, а также на горизонтальных линиях обрамления [Тяжелов, 1981, с. 255].

свои детские впечатления, он отмечает работы Е.А. Кибрика, А.М. Лаптева, А.М. Каневского¹⁹. И тем не менее, ему удастся показать произведения Гоголя с новой стороны, «своими глазами».

Художник не боится использовать сложные техники, новые приемы, необычные ракурсы, и, несмотря на стилистическое разнообразие работ, его рука угадывается сразу. Его непринхотливая, мягкая, как будто подвижная линия увлекает за собой. Приступая к работе над книгой, он досконально изучает созданный писателем мир, погружается в него, стараясь ничего не упустить. В этом ему помогает искренняя любовь к материальной культуре, которую Любаев серьезно изучает. При оформлении книг ему удается создать единое пространство, продолжающееся и за пределами издания. Многие детали свидетельствуют о тщательной проработке и продуманности такой отдельно взятой «вселенной», доказывают ее самостоятельность и даже автономность, органично подтверждают целостный образ произведения. Книги, созданные мастером, – настоящие порталы в мир литературных произведений, много раз перечитанных и прочувствованных им самим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балдина, О.Д. Русские народные картинки / О. Д. Балдина. – М.: Молодая гвардия, 1972. – 208 с.
Белый, А. Мастерство Гоголя / А. Белый. – М.; Л.: Гос. изд-во художеств. лит-ры, 1934. – 324 с.
Вересаев, В.В. Гоголь в жизни / В. В. Вересаев. – М.; Л.: АCADEMIA, 1933. – 529 с.
Гоголь, Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. / Н. В. Гоголь; АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
Гоголь, Н.В. Записки сумасшедшего: повесть / Н. В. Гоголь; худ. С. В. Любаев. – М.; Псков: Мол. гвардия, Мы псковские, 2004. – 114 с.
Гоголь, Н.В. Ночь перед Рождеством: повесть / Н. В. Гоголь; худ. С. В. Любаев. – М.: Арбор, 2010. – 120 с.
Гоголь, Н. В. Три повести: Старосветские помещики. Вий. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / Н. В. Гоголь; худ. С. В. Любаев. – М.: Арбор, 2010. – 280 с.
Гоголь, Н.В. Миргород / Н. В. Гоголь; худ. С. В. Любаев. – М.: Арбор, 2013. – 428 с.
Гоголь, Н.В. Старосветские помещики. Вий. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / Н. В. Гоголь; худ. С. В. Любаев. – М.: Нигма, 2018. – 224 с.
Гоголь, Н.В. Тарас Бульба: повесть / Н. В. Гоголь; послесл. В. Я. Курбатова; худ. С. В. Любаев. – М.: Нигма, 2018. – 208 с.
Любаев, С.В. Интервью художника Сергея Любаева / С. В. Любаев // Художник и писатель в детской книге. – 2013. – №15. – С. 24-27.
Соколов, Б.М. Художественный язык русского лубка / Б. М. Соколов. – М.: РГГУ, 1999. – 263 с.
Тяжелов, В.Н. Искусство средних веков в Западной и Центральной Европе / В. Н. Тяжелов. – М.: Искусство, 1981. – 384 с.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

¹⁹ Из личной беседы с С.В. Любаевым.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Денисов В.Д.</i> Гоголевское эссе о Пушкине	3
<i>Робинов О.Ю.</i> Н. В. Гоголь – прихожанин московских храмов	8
<i>Ершов А.Г.</i> Пушкин и Гоголь о поэзии («Слова поэта суть уже его дела»)	11
<i>Быкова М.В.</i> Дихотомия этического / эстетического в творчестве Н. В. Гоголя (по школьной программе)	16
<i>Волоскова С.Е.</i> Пушкинские дни: вчера, сегодня, завтра	21
<i>Лаврушина Ю.Р.</i> Разработка экскурсионного маршрута по центру Петербурга «Город Пушкина и Гоголя: диалоги авторов и героев»	25
<i>Андреянова М.С.</i> Методика продвижения творческого наследия Пушкина и Гоголя среди молодёжи	28
<i>Малахова Е.И.</i> Интерпретация гоголевских произведений в работах Сергея Любаева	30

CONTENTS

<i>Denisov V.D.</i> Gogol's essay about Pushkin	3
<i>Robinov O.Yu.</i> N.V. Gogol - a parishioner of Moscow churches	8
<i>Ershov A.G.</i> Pushkin and Gogol on poetry ("The poet's words are already the essence of his deeds")	11
<i>Bykova M.V.</i> The ethical / aesthetic dichotomy in the work of N.V. Gogol (according to the school curriculum)	16
<i>Voloskova S.E.</i> Pushkin days: yesterday, today, tomorrow	21
<i>Lavrushina Yu.R.</i> Development of an excursion route in the center of St. Petersburg "The City of Pushkin and Gogol: Dialogues between Authors and Heroes"	25
<i>Andreyanova M.S.</i> The method of promoting the creative heritage of Pushkin and Gogol among young people	28
<i>Malakhova E.I.</i> Interpretation of Gogol's works in the works of Sergei Lyubaev	30

От редактора

Эта конференция – ежегодная, проводимая содружеством петербургских и московских ученых, библиотекарей, литераторов, учителей на базе Центральной библиотеки имени Н.В. Гоголя и кафедры русского языка Российского государственного гидрометеорологического университета в Красногвардейском районе Санкт-Петербурга. На этот раз формат позволил привлечь докладчиков и слушателей из-за рубежа, расширить их число, использовать интересные иллюстративные материалы. Часть научных статей уже опубликована в № 2/2021 интернет-журнала «Культура и текст» Алтайского государственного педагогического университета. Другую – разноплановую! – часть мы предлагаем Вашему вниманию и хотим провести новую онлайн-конференцию 19 октября 2021 г., в день Лицея.

Российский государственный гидрометеорологический университет
Центральная библиотека имени Н.В. Гоголя
в Красногвардейском районе Санкт-Петербурга
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека (Москва)

ПРОГРАММА V МЕЖВУЗОВСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИИ
«ГОГОЛЬ И ПУШКИН СЕГОДНЯ» 1 ноября 2020 г.

10.30. РЕГИСТРАЦИЯ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ
11.00. ПОЗДРАВЛЕНИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Регламент конференции: доклад – 15 минут, сообщение – 10 минут.
Ведущие: В.Д. Денисов и О.Ю. Робинов

1. Воропаев Владимир Алексеевич (МГУ им. М.В. Ломоносова) – доктор филолог. наук, профессор кафедры истории русской литературы
«Гоголь и Пушкин о Государстве Российском»
2. Звиняцковский Владимир Янович (Мариупольский гос. ун-т, Украина) – зав. кафедрой славянской филологии и перевода, профессор, доктор филолог. наук
«“Знаете ли вы украинскую ночь?” (Украина Пушкина и Гоголя)»
3. Ершов Артём Геннадьевич (РГПУ им. А.И. Герцена) – выпускник аспирантуры по кафедре русской литературы
«Пушкин и Гоголь о поэзии (“Слова поэта суть уже его дела”)»
4. Сурин Сергей Владимирович – член Интернационального союза писателей, автор книг «Английский футбол...», «Вперед, за Питер!», композитор, преподаватель
«Царскосельский лицей – главный образовательный эксперимент в истории России»
5. Иваницкий Александр Ильич (Российский гос. гуманитарный ун-т / РГГУ) – доктор филолог. наук, ведущий научный сотрудник
«Далекая перспектива у Гоголя: варианты и смыслы»

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

6. Денисов Владимир Дмитриевич (РГГМУ) – доктор филолог. наук, профессор кафедры русского языка
«Кузнец-художник в повести Н.В. Гоголя “Ночь перед Рождеством” (1832)»
7. Рясов Даниил Леонидович (ГБУК г. Москвы “Дом Гоголя”) – кандидат филолог. наук, старший научный сотрудник музея
«Немецкая тема в произведениях А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя: к вопросу о возможных параллелях»
8. Филонов Евгений Анатольевич (СПбГУ) – кандидат филолог. наук, доцент кафедры истории русской литературы, научный сотрудник ОР РНБ
«“Трагическое недоумение” в художественном мировоззрении Пушкина и Гоголя»
9. Неснова Тамара Александровна – преподаватель русского языка и литературы гимназии № 261 г. Санкт-Петербурга
«Переключки с произведениями А.С. Пушкина во второй главе поэмы Н.В. Гоголя “Мертвые души”».
10. Гольденберг Аркадий Хаимович (Волгоградский гос. социально-педагогический ун-т) – доктор филолог. наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания
«Третий том поэмы “Мертвые души” как сюжет современной русской прозы»
11. Соколова Наталья Юрьевна (СПбГУ) – кандидат филолог. наук, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии
«“Мертвые души” и “жизненные уроки”: современное прочтение по-британски».

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ
ПЕРЕРЫВ

12. Анненкова Елена Ивановна (РГПУ им. А.И. Герцена) – зав. кафедрой русской литературы, доктор филолог. наук, профессор
 «...Всё не только самая правда, но еще как бы лучше ее» (Тайна единства этического и эстетического в творческом сознании Пушкина и Гоголя).
13. Баева Тамара Тимофеевна (РГГМУ) – кандидат филолог. наук, доцент кафедры русского языка
 «Комическое в гоголевском “Ревизоре”»
14. Гоперхоева Дарья Рашидовна (РГПУ им. А.И. Герцена) – выпускница аспирантуры по кафедре русской литературы
 «Размышления Н.В. Гоголя о путешествиях по России на фоне литературных путешествий А.С. Пушкина»
15. Робинов Олег Юрьевич (ГБУК г. Москвы "Дом Гоголя") – кандидат культурологии, научный сотрудник музея
 «Пушкин и Гоголь в изобразительном искусстве. Восприятие москвичей»
16. Денисова Алина Валентиновна (Санкт-Петербургский ун-т МВД РФ) – кандидат филолог. наук, доцент кафедры философии и социологии
 «Жанровые парадоксы: “Арабески” Н.В. Гоголя и “Дневник писателя” Ф.М. Достоевского»
17. Матросова Елизавета Николаевна (Президентский физико-математический лицей №239) – учитель русского языка и литературы, выпускница аспирантуры по кафедре истории русской литературы СПбГУ
 «Пушкинские и гоголевские аллюзии в повести А.В. Чаянова “История парикмахерской куклы”»

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

18. Волоскова Снежана Евгеньевна (РГПУ им. Герцена) – кандидат филолог. наук, зав. отделом Фундаментальной библиотеки
 «Пушкинские дни: вчера, сегодня, завтра»
19. Маркарян Ольга Эдуардовна (Библиотека Гоголя), специалист по библиотечно-выставочной и досуговой деятельности, аспирант РГИСИ
 «Русская классика 1830-х годов в постановках Вс.Э. Мейерхольда»
20. Дубровский Александр Владимирович (ИРЛИ РАН) – кандидат филолог. наук, научный сотрудник рукописного отдела Пушкинского Дома
 «“Мнимый Пушкин” в наше время»
21. Лаврушина Юлия Рудольфовна (Библиотека Гоголя) – специалист по библиотечно-выставочной и досуговой деятельности, независимый исследователь, экскурсовод
 «Разработка экскурсионного маршрута по центру Петербурга “Город Пушкина и Гоголя: диалоги авторов и героев”»
22. Малахова Екатерина Игоревна (ГБУК г. Москвы "Дом Гоголя") – научный сотрудник музея
 «Гоголевские и пушкинские мотивы в творчестве художника Сергея Любаева»
23. Андреянова Мария Александровна (СПбГИК) – магистр библиотечно-информационного факультета, библиотекарь II категории
 «Методика продвижения творческого наследия Пушкина и Гоголя среди молодёжи»

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Завершение конференции

Научно-популярное издание

ГОГОЛЬ И ПУШКИН СЕГОДНЯ

Материалы международной онлайн-конференции 1 ноября 2020 г.

Ответственный редактор В.Д. Денисов

Подписано в печать 09.08.2021. Формат 60×90. Гарнитура Times New Roman.
Печать цифровая. Усл. печ. л. Тираж 20 экз. Заказ № 1114.
РГГМУ, 192007, г. Санкт-Петербург, Воронежская ул., д. 79.